

КОСТЁР

ИЮНЬ 6/1981

КОСТЁР

6

ИЮНЬ

1981

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

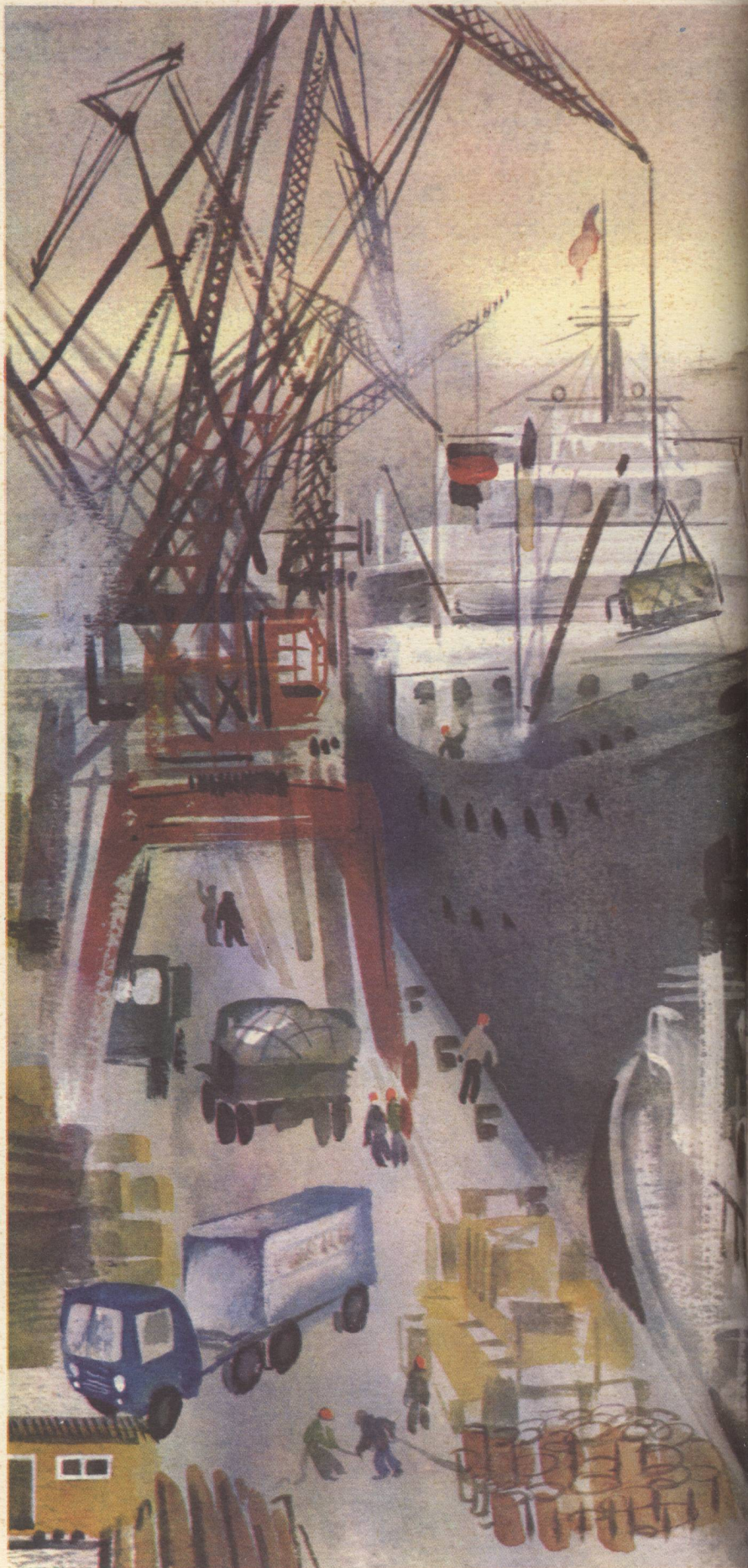
Издаётся с 1936 года

© «Костёр», 1981 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

- Следопыты из Казиранги**
повесть Аруп Кумар Датта 4
- Стихи твоих ровесников** 8
- Пятилетка в действии** 9
- Глина рыжая и голубая**
записки пионервожатого 10
- Полет**
рассказ Ю. Короткова 12
- Сибирский поселок**
из путевого блокнота
художника Г. Ковенчука 18
- Девочка, мальчик, собака**
повесть
В. Воскобойникова 20
- Барабан** 28
- Морская газета** 30
- Зеленый наряд Отчизны** 32
- Здравствуй, пионерское лето!**
фотоочерк Г. Разумова 34
- Веселые рассказы**
Марка Богуславского 36
- Школа будущих командиров** 38
- Они рисуют для вас** 40
- Спортклуб «Кузнечик»** 42
- Арчебек** 47

На обложке
рисунок С. Яковлева

ПОРТ НА ЕНИСЕЕ

Игарка. Здесь грузят знаменитую сибирскую сосну, отсюда она отправляется в далекие страны. Нещадно палит запыляющее солнце, играет на тонких шеях плавучих кранов, отражается в енисейской воде...

Начало июля, самый разгар работы. Протока и причал заполнены судами. Рабочих отвозят на рейд черные пылящие катерки — «Крот», «Оленек», «Метель». Они снуют между огромных океанских громадин, похожие на жуков-плавунцов. По веревочным лестницам ловко карабкаются стивидоры — портовые грузчики, люди, умеющие делать любую, даже самую тяжелую работу.

По бокам судна плавкраны и груженные, высотой с двухэтажный дом, баржи. Судно высокое, легкое, мотает его из стороны в сторону. Несколько человек остаются на барже — строповщики, четыре ухмана и бригадир — здесь его называют форман. Урман не должен ни ухать, ни охать, он должен как можно громче кричать, когда груз на туго натянутых стропках висит точно над трюмом:

— Трюм, бойся!

И стивидоры быстро прячутся в трюмные «пазухи». Гудит кран, кричит урман — не зевай! Но вот пакет леса стал на дно трюма, команда «вира!», и стивидоры остаются один на один с грудой досок, которые нужно уложить по всей поверхности, пока кран поднимает и опускает новую порцию. Кран ждать не будет, он опустит груз рядом с неразобранным пакетом, и работать станет намного тяжелее. Нужно спешить, иначе завалят лесом...

Сколько смен побывает здесь, пока очистится баржа! Судно тяжелеет, оседает по ватерлинию, стоит плотно — не шелохнется. Теплоход остается один — тихий, какой-то настоженный. Потом он дает три прощальных гудка, и ему длин-

но, басовито отвечают оставшиеся. Теплоход уходит в свой далекий рейс, а на следующий день на его месте уже покачивается другой...

Есть особая профессия в игарском порту — рубщица. Рубщица записывает каждый уходящий в трюм пакет — размеры и количество леса. Рубщица встречает на барже закаты и восходы. Романтика? Да какая уж тут романтика — просто стоять на барже восемь часов в любую погоду, в дождь и холод. Уже в сентябре трапы покрываются льдом, а руки не держат рубочную книжку. А работа очень ответственная. От точности и добросовестности рубщицы зависит престиж нашего государства. Если недогруз — мы не выполнили заказ иностранной фирмы. Перегруз — дорогостоящий материал, на который заказчик не рассчитывал, идет за бесценник или отправляется обратно.

Вот и ходит какая-нибудь девчонка, замотанная платком, в неуклюжем квадратном ватнике, на чем свет стоит ругает погоду, крановщика, который плохо подает, строповщика, если тот не хочет собрать развалившийся пакет. Покричит, поругается, а потом пошутит, — и вдруг исчезнет напряжение, разулыбаются все... И снова — работа...

В Игарке два города. Город, где живут рабочие, студенты, школьники, и город... без жителей. Здесь тоже есть свои улицы, проспекты, переулки, и названия у них есть — Первая Римская, Светлая, Таймырская... Построен этот город из огромного количества досок, аккуратно сложенных в пакеты и штабеля. Это биржа пиломатериалов, которые идут на экспорт. Многие страны покупают наш лес.

Рядом с пиломатериалами — горы бревен. Гудит лесопильный завод. И тут же, в ста метрах — порт. От биржи к порту

бегают длинноногие, поджарые лесовозы, зажав под брюхом очередной пакет леса.

Тысячи людей днем и ночью трудятся здесь. Каждое лето со всех концов страны в Игарку приезжает молодежь — рабочие, студенты, просто любители экзотики. Они получают здесь новые специальности. За три с половиной месяца, то

есть за то время, пока идет морская навигация, город из досок должен быть разобран и погружен на океанские суда...

В начале ноября из Игарки уходят последние теплоходы. Краны отводят к плавзаводу, и они стоят, замерзшие и по-нурые, всю долгую зиму. Еще немного, Енисей оденется в ле-

довую броню, и добраться сюда можно будет только самолетом. На город опустится полярная ночь. Но ни на минуту не остановится работа на лесокombинате. К началу новой навигации здесь должен вырасти новый город без жителей — кварталы бесценной сибирской сосны...

А. ЯКОВЛЕВ

Это — сегодняшняя Игарка. А какой она была раньше!

МЫ ИЗ ИГАРКИ

Легенда рассказывает, что когда-то давно, еще до революции, занесло в низовья Енисея знаменитого лоцмана и плотогона Егорку Ширяева. Здесь он и остался. Местные жители, звенки, стали называть это место по имени Ширяева, но вместо «Егорка» они говорили — Игарка. Так и повелось.

Когда на берега Енисея пришла Советская власть, в район Подкаменной и Нижней Тунгуски была снаряжена экспедиция. 10 октября 1928 года «Красноярский рабочий» сообщил: «В низовьях Енисея, в протоке Игарка предполагается постройка порта. Назначение порта — производство перегрузочного импортно-экспортного леса и отправка его речными и морскими судами».

— Как? Город на пустом ме-

сте? Город на вечной мерзлоте? Это же за Полярным кругом! — не поверили многие зарубежные специалисты. — И они хотят, чтобы этот еще не существующий город стал центром экспорта древесины?..

Но уже звенели по енисейскому берегу пилы, стучали топоры, а на причал сходили новые и новые партии строителей будущего города. Многие приезжали с семьями. И в 1929 году была выдана первая экспортная продукция!

Это было чудом.

В тот первый год в Игарке не было еще ни одной школы. Но вскоре ее построили, и ребяташки, которые приезжали с родителями, стали свидетелями рождения нового центра советского Заполярья. Стали гордиться каждым новым до-

мом, каждым пароходом, который заходил в порт.

Прошло семь лет. И вот в декабре 1935 года у игарских ребят появилась мысль рассказать о своей жизни «на краю земли» Алексею Максимовичу Горькому.

— Напишем Горькому, расскажем обо всем!

По строчкам, по отдельным словам собиралось письмо к великому писателю.

«Дорогой Алексей Максимович!

Это письмо пишут Вам две тысячи пионеров города Игарка. Мы шлем Вам, нашему любимому, дорогому писателю горячий привет!

Алексей Максимович! Сейчас нам не светит солнце. Только часа три мы видим дневной свет. Остальное время — по-

лярная ночь, частые морозы и пурги. Но жизнь у нас, Алексей Максимович, не мрачная, а радостная, хорошая.

Вот часто о нашем городе говорят: «Игарка — это далеко, и жить там плохо». Это верно, что Игарка далеко. От Москвы до Игарки шесть тысяч километров. Но неверно, что жить в нашем городе плохо.

Мы живем культурно и весело! У нас есть звуковой кинотеатр, клубы, библиотека...

Наши дни заполнены учебой, кружковой работой, катанием на коньках и лыжах...

...Мы обращаемся к Вам с просьбой. У нас всех большое желание написать книжку о том, как мы живем и учимся за Полярным кругом. Мы очень просили бы Вас посоветовать, как лучше писать книжку...

13 января Алексей Максимович ответил ребятам:

«Хорошее письмо прислали вы... — писал Алексей Максимович. — Едва ли где-нибудь на земле есть дети, которые живут в таких же суровых условиях природы, в каких вы живете, едва ли где-нибудь возможны дети такие, как вы, но будущей вашей работой вы сделаете всех детей земли такими же гордыми смельчаками».

Алексей Максимович очень хвалил ребят за то, что они задумали написать книгу. Он подробно рассказал, как нужно организовать работу и прислал примерный план книги.

Две тысячи ребят приняли участие в работе над книгой «Мы из Игарки», и в 1938 году она увидела свет. Почтаем отрывки из этой книги. Вот что писал Гоша Лукин в своем рассказе «Солнце не хочет спать»:

«...Было это в 1931 году. Тогда той Игарки, которую мы привыкли видеть сейчас, не было. Не было и пристани, поэтому наш пароход подлазил ко второму логу для разгрузки...

После весеннего разлива берега еще не успели просохнуть, и мы выгружались по колена в грязи. По мху, по болотам мы носили чемоданы, свертки, постели и клали все

это прямо в грязь. Помещения не было не только для багажа, но и для людей. Удивляться тут нечего, потому что городу в то время было отроду всего два года...»

Юра Крылатов, Женя Сметова, Маруся Чуракова и другие ребята написали рассказ «Город, которого не было на карте».

«...На географических картах нашей страны не всегда найдешь Игарку. На очень многих картах ее и совсем нет. Как будто она вовсе не существует. Это, конечно, неверно. Игарка есть, Игарка строится, Игарка растет.

Еще лет семь-восемь тому назад никто не знал об Игарке. Это было понятно. Ее тогда и в самом деле не существовало, не было такого заполярного города — вот он на картах и не обозначался.

За семь лет на пустынном берегу Енисея на вечной мерзлоте поднялся новый социалистический город. В нашей стране, в стране удивительных большевистских темпов, большие города строятся иногда быстрее, чем делаются новые географические карты...»

Немногим больше сорока лет прошло со дня выхода книги «Мы из Игарки». По-разному сложились судьбы ее авторов. Некоторые погибли во время Великой Отечественной войны, многие вернулись с фронта, стали учителями, инженерами, врачами, разъехались в разные города. Пионеры сегодняшней Игарки переписываются с бывшими игарчанами. А в год пятидесятилетия города они собрали на встречу авторов книги «Мы из Игарки».

И через много-много лет встретились старые пионеры. И узнали себя в юных ленинцах сегодняшнего дня. В Доме пионеров теперь хранятся сотни сочинений, написанных на конкурсе «Я из Игарки-79». Может быть, этим сочинениям суждено стать новой книгой об Игарке? Ведь и этому поколению, вашим сверстникам, есть что рассказать о своем городе...

И. НИКОЛАЕВА

Мы живем на ДЕБАРКАДЕРЕ

Марк ВЕЙЦМАН

Мы живем на дебаркадере, это бывший пароход. Он стоит себе на якоре вот уже который год. Катера к нему швартуются, и баркасы, и паром, и приезжие любят с верхней палубы Днепром. Он работает — не ленится. В трюме пусто и темно. И в машинном отделении нет машин уже давно. Льнет волна к иллюминатору, ночью в ней горит звезда. Проплывают по фарватеру белоснежные суда. Лунный диск по небу катится, в край неведомый зовет. И вода блестит,

и кажется — дебаркадер наш плывет! Уплывает от усталости, от цепей и якорей, от причала тихой старости — к морю юности своей.

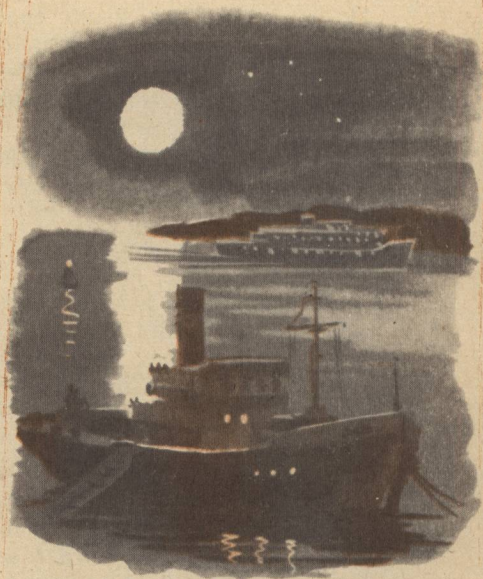

Рисунок Д. Титова

СЛЕДОПЫТЫ ИЗ КАЗИРАНГИ

Арун Кумар ДАТТА

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Лебедева

УГРОЗА

По возвращении джип сразу же подкатил к дому Неога. Фукану и мальчикам волей-неволей пришлось принять приглашение зайти. В столовой уже стоял накрытый стол, дальнейший разговор происходил за едой.

Когда тетушка Неог поставила на стол рыбу под пряным соусом карри все пятеро переглянулись.

— Итак, я уже сказал, — это пятый носорог, — начал Неог. — Все четверо до этого были убиты тем же способом: яма на тропе к водопою.

— Работает одна банда, — согласился Фукан.

— А почему рога нужно переправлять в Гонконг? — спросил Дханаи. — Неужели, раз уж это такая ценность, продать их нельзя здесь?

Неог кивнул.

— Хороший вопрос. Но ответ надо искать в сейфах международной полиции. Так уж получилось, — самую большую цену платят в Гонконге. Переработка рога — их секрет. Тот, кто владеет им, передает секрет по наследству сыну, внуку. Короче говоря, все нити сходятся на этом острове. Значит, где-то поблизости от нас дейст-

вует перекупщик. Он скупает у браконьеров рога и переправляет их в Гонконг.

— Но перекупщик — чужак, а всякий чужак здесь на виду. Нельзя поселиться в деревне, не обратив на себя внимания, — сказал Бубал.

— Мне первому было бы об этом известно, — сказал Фукан.

— Пятый рог за два месяца, — повторил Неог. — Почему так много?

— Я знаю, — Джонти, на долю которого уже выпал сегодня успех, говорил уверенно. — Это значит, что перекупщик уже здесь. Или вот-вот приедет за товаром. Браконьеры торопятся.

— Похоже. — Неог наклонился к столу и громко, так, чтобы не слышала возившаяся на кухне жена, сказал:

— Мне не нравится другое, Фукан: все эти два месяца браконьеры словно смеются над нами. После первого же носорога мы удвоили число секретных постов, ввели ночные обходы — и никакого эффекта. Браконьеры продолжают спокойно рыть ямы и убивать животных.

— Уж не хотите ли вы сказать... — начал Фукан.

— Я не сказал ничего.

Закончив еду, мальчики попрощались. Они вышли из дома и направились к конторе, около которой оставили Махони.

Продолжение. См. «Костер» № 5, 1981 г.

Слон встретил их трубным звуком радости. Они вскарабкались ему на спину, и слон направился домой.

Деревня, в которой жили мальчики, представляла собой небольшой поселок из тесно стоящих друг около друга домиков. Стены домов были сплетены из тростника и обмазаны глиной, около каждого дома теснились лоскутные огородики и блестяли крошечные поливные поля. Слон, на спине которого сидели полуголые мальчики, медленно шествовал по единственной улице. Собаки встретили его оглушительным лаем.

Был уже вечер. Дханаи встретили встревоженные отец и мать, но когда сын рассказал им о происшествиях дня, их тревога усилилась еще больше.

— Вы молодцы, — сказал погонщик слонов, выслушав сына. — Конечно, доверием такого человека как мистер Неог, нужно гордиться. Но связываться с браконьерами? Это не для вас. Бандиты вооружены.

— Будь осторожен, сынок, — сказала мать. — Это беспощадные люди. Может быть, на время уехать? У нас есть тетка в Гаухати. Она давно приглашала тебя.

— Я ни с кем еще не связался. Браконьеры не знают о моем существовании, — засмеялся Дханаи. — Что волноваться? Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сынок...

Дханаи лежал на топчане поверх простыни. Сон не шел к нему. В голове, как в замедленном кино, снова проплывали картины того, что пришлось пережить и увидеть за день.

За окном был двор, залитый лунным светом. Окно без стекол — таковы все окна в деревенских хижинах в Ассаме. За редкой деревянной решеткой зеленым светом светились листья банана и голубела крытая тростником крыша соседнего дома. В нем жили Бубал и Джонти.

Вдруг на подоконник упала тень. Кто-то стоял за окном. Дханаи инстинктивно, не думая, что он делает, скатился с топчана на пол. В ту же секунду над его головой, прорезав со свистом воздух, пролетел какой-то блестящий предмет. Он упал с глухим стуком за топчан.

Тень за окном исчезла.

Дханаи лежал некоторое время неподвижно, потом встал и осторожно — сердце в груди стучало изо всех сил — по стене подкрался к окну. Слабый ветер едва шевелил листья банана. Никого не видно.

Дханаи вернулся и пошарил за топчаном. Пальцы наткнулись на что-то деревянное. Деревянная ручка, а вот и лезвие... Наклонно войдя в глиняный пол, у стены торчал складной нож. Пальцы коснулись нитки, к ней привязана бумажка...

Дханаи прокрался на кухню и зажег керосиновую лампу. Развернув сложенную вчетверо бумажку, он прочитал:

Ты предупрежден. Не суй свой нос в дела, которые тебя не касаются. Забудь про человека с оторванным пальцем. Второго предупреждения не будет.

Подписи не было.

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Прочитав записку, Дханаи задумался: что делать? Он натянул на себя рубашку, потихоньку отворил дверь и вышел во двор.

Подойдя к дому близнецов, мальчик спрятался в тень, прижался к стене и, сложив домиком ладони у рта, издал протяжный двойной звук, похожий на крик совы:

— Т-хууу!.. Т-хууу!..

Прошло не больше минуты — две тени выскользнули из дома и крадучись двинулись ему навстречу: Бубал и Джонти не спали.

Все трое молча двинулись на окраину деревни. Здесь росло огромное баньяновое дерево, под ним жители деревни всегда устраивали сходки. Только здесь мальчики решились нарушить молчание.

— Смотрите, что влетело ко мне в окно, — Дханаи протянул близнецам записку. — Я повторяю вам наизусть, что в ней написано. Страх!

— Можешь не трудиться, мы получили такую же. — Джонти показал свою записку, а Бубал осветил ее зажженной спичкой. — Ну-ка, поставь свою рядом. Бьюсь об заклад — их писала одна и та же рука.

— Но какой дьявол сообщил им про нас? — спросил Дханаи.

— Я думаю, они наблюдали за нами утром из кустов...

— И второй раз днем, когда мы приехали на машине с Неогом.

— Нет. В записке сказано: «Человека с оторванным пальцем». О том, что мы знаем про оторванный палец, как ни смотри из кустов, не догадаешься... Давайте вспомним, кому мы говорили об этом?

— Как кому? Твоим родителям. И нашим.

Дханаи печально кивнул. Только им...

В баньяновых ветвях заворочалась и забормотала ночная птица.

— Ну и что же нам теперь делать? — спросил Бубал.

— Идти по домам...

Но спать не хотелось. Ощущение беды, нависшей над заповедником, не давало покоя...

— А что если отправиться сейчас к конторе заповедника, — предложил Джонти. — Рядом с нею отель для туристов. Недавно стемнело, в отеле еще не легли. Помните, что говорил Неог?.. Может, нам и повезет, мало ли кто шляется по ночам. Иди за Махони...

Спустя четверть часа по дороге, ведущей из деревни к заповеднику, бесшумно шел слон. На его спине покачивались три детских фигуры.

Джонти ошибся — в отеле уже начали ложиться спать. Только в некоторых номерах еще горел яркий свет. Отель был устроен так, что весь первый его этаж занимали ресторан и помещения для служащих. Чтобы заглянуть в какой-нибудь номер, надо было залезть на крышу веранды, кольцом опоясывающую дом.

Не доходя до гостиницы, слон сошел с дороги и остановился под тамариндовым деревом. Некоторое время мальчики с любопытством наблюдали за окнами: то в одном, то в другом показывались человеческие фигуры, люди говорили между собой, опускали занавески, гасили свет. Отель засыпал.

Ни один человек не вышел из здания.

— Мы торчим тут без всякого смысла! — сказал наконец Бубал. — Все спокойно, все давно в постелях. Я предлагаю...

— Тс-с! — Джонти схватил его за руку.

Он показал на дорогу. По дороге, в направлении отеля, шел человек. Он достиг пространства, освещенного фонарями у входа.

— Да это же Фукан! — прошептал Дханаи.

Старший егерь повел себя странно: он не вошел в отель через главный вход, а перелез через перила на веранду и скрылся там, где (это отлично знали мальчики) была лестница для слуг, которая вела из ресторана на второй этаж.

Спустя некоторое время — его как раз хватило, чтоб человек поднялся и прошел по коридору — в одном из последних освещенных окон показалась человеческая фигура. Человек высунул голову, внимательно осмотрел улицу, задернул занавеску и отступил в глубину комнаты.

— Что если Фукан там? — сказал Джонти. — Ах, если бы можно было забраться на крышу и заглянуть в окно.

— Это не так сложно...

Дханаи тронул Махони ладонью, и слон, бесшумно ступая по пыльной дороге, вышел из-под дерева и направился к отелю. Там он обхватил хоботом Дханаи, поднял мальчика в воздух и осторожно посадил на крышу. Та была сделана из железа, и когда мальчик очутился на ней, раздался громкий шум.

— Кто там? — произнес голос в окне, угол занавески снова поднялся, и из-под него выглянула физиономия бородатого пожилого мужчины. Но глаза его, после яркого комнатного света, не смогли разглядеть что-либо, и он скрылся.

Боясь, что железо загремит снова, Дханаи стал очень осторожно подбираться к окну. Он полз, прижимаясь животом к нагретым за день листам, и остановился только тогда, когда коснулся головой стенки. Придерживаясь за нее рукой, он стал медленно подниматься. Вот и окно... К счастью, занавеску второй раз задернули неплотно... Дханаи заглянул под нее и едва удержался от крика: прямо напротив него сидел на стуле Фукан. Перед егерем на полу стояла большая кожаная сумка. Хозяин номера — он был, очевидно, туристом, приехавшим посмотреть заповедник, — сидел у стола сбоку. Он был коренаст, обрит наголо, однако нижняя часть лица закрыта бородой. Он курил тонкую сигару.

— Итак, Фукан? — продолжил он прерванный разговор.

Фукан наклонился, расстегнул замок сумки и выстроил из нее один за другим пять рогов. Он выстроил их в ряд на полу. Бородатый, взяв в руки один, стал поглаживать его с видом знатока.

— Хорошо, Фукан, очень хорошо, — произнес собеседник егеря. — Но недостаточно! Недостаточно. Это ты знаешь сам.

— Мистер Бозе, — голос Фукана был непривычно мягок, в нем даже слышались заискивающие нотки, — я уже писал вам: после наших первых двух удач управление заповедника увеличило число постов. Даже ночью теперь ходят патрули. Для наших людей это значит — получить пулю или сесть в тюрьму.

— А за что мы платим? Если бы дело было безопасным, я бы сам охотился на носорогов, — мистер Бозе хихикнул.

— Опасно стало не только охотникам. Инспектор Неог что-то заподозрил. Он вот-вот доберется до меня. Вчера за обедом он сказал...

— Меня не интересует, что сказал инспектор. Пять это пять, а шесть это шесть. Последний рог должен быть. Деньги получишь, только когда принесешь его вот сюда.

Фукан покраснел. Было видно, как на его скулах напряглись желваки.

— Вы хотите сказать, что сегодня за эти рога вы мне ничего не заплатите?

— Именно так. Это я и имел в виду.

Фукан встал и начал складывать рога обратно в сумку.

— Я уношу их, — сказал он. — Может быть, удастся найти покупателя попроще.

Не поднимаясь со стула, мистер Бозе прижал ногой последний из рогов.

— Не торопись, Фукан, — сказал он. — У тебя плохо с фантазией. Представь: сегодня ты уносишь рога, а завтра в контору заповедника приходит письмо. В нем подробно описывается: как ты собирал браконьеров, как договаривался с ними, как передавал схемы постов и расписание дежурств. Сколько получил сам и сколько заплатил им. Я был предусмотрителен, такое письмо готово. Показать его?

Старший егерь побледнел.

— Негодяй! — прошептал он.

Чернобородый пожал плечами.

— Очень может быть. Только тебе от этого не легче.

— Ладно, — сказал наконец Фукан. — Ваша взяла. Но мне нужны деньги. Мои люди ждут.

— А как насчет тебя самого? Говорят, ты играешь в карты?

Фукан вздрогнул.

— Занятие для дураков. Учти, умные люди, получив деньги, играют на бирже: покупают и продают акции... Ну, так как насчет шестого рога?

— Боюсь, что это будет очень трудно. Говоря честно — главарь шайки уже боится. Он говорит: следующие рога в следующий раз. Пусть пройдет, говорит он, сезон дождей. Пусть все успокоится. Пусть все забудут про эту потерю.

— Нет. Я не могу ждать. Шестой рог обещан

очень богатому человеку в Гонконге... Ты слышал про этот городок? Денег там больше, чем пыли. Там каждый день еще один человек становится миллионером, а сто человек находят на улице с перерезанным горлом... Уж такой это город, Фукан. Может, мне поговорить с твоими людьми? Думаю, я сумею их убедить.

— Нет, этого делать нельзя. Вы погубите всех. В конторе следят за каждым посторонним, который пытается встретиться с местными жителями. В деревне живут бедные люди — деньгами всегда можно соблазнить кого-нибудь. Бивни слона, шкура тигра... Как только вы выйдете один из отеля, за вами начнут наблюдать, пойдут за вами и поймают всех.

— Что верно, то верно... А твои люди не из этой деревни? Как зовут их главаря?

При этих словах Дханаи весь обратился в слух. Но Фукан ушел от ответа.

— Из разных деревень. Потому их и бывает так трудно собрать. Убив носорога, они рассеиваются как дым.

— Но все-таки вы встречаетесь?

— Раз в месяц, не чаще. Следующая встреча завтра. Разрушенное бунгало на заброшенной чайной плантации. Девять часов вечера... Зачем вам все это? Я должен принести деньги им завтра. Я не могу не принести их.

«Завтра в девять! — Дханаи замер от восторга. — Наконец-то можно поймать всю шайку. Вот обрадуется инспектор!»

Разговор в номере подходил к концу.

— Вот что, Фукан. Договоримся так. Я сейчас плачу тебе за три рога, и завтра ты сможешь рассчитаться со своими людьми. А еще за три — после того, как принесешь шестой. Я, так и быть, добавлю, работа действительно стала трудной.

— Вы очень щедры, мистер Бозе. Пусть будет так... А если они откажутся охотиться за шестым? Что тогда?

— Тогда последнего носорога придется тебе убить самому... Через десять дней будет новый заезд туристов, я снова буду здесь. Под другой фамилией. И сбрую бороду... Ты принесешь шестой рог и получишь деньги. Не будет рога — пеняй на себя.

Чернобородый выдвинул из-под кровати чемодан, открыл его двумя ключами и достал несколько пачек денег. Он пересчитал деньги и отдал Фукану, тот еще раз пересчитал и бросил пачки в сумку. Туда же он убрал два рога.

Егеря ушел раздосадованный. Чернобородый сложил рога в чемодан и стал разбирать постель. Он явно был тоже недоволен встречей.

Дханаи постоял некоторое время у окна, выждал, когда Фукан выйдет из отеля и удалится, и только тогда опустился осторожно на крышу и пополз. Железо снова загремело.

— Брысь! — крикнул кто-то сонным голосом.

Дханаи дополз до края навеса, нащупал ногами водосточную трубу, соскользнул по ней вниз и бросился бегом к тамаринду, под которым его ждали близнецы и слон.

Продолжение следует

Перевел с английского С. САХАРНОВ

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Тополя, тополя!
Белый пух летит на поля,
Осыпает дворы и дома,
Будто летом настала зима.

ЧЕРЕМУХА

Красавица черемуха
Стоит и не шевелится.
Подует ветер-озорник,
И засыпает землю вмиг
Пахучая метелица.

*Соня Богданова,
5 класс,
Москва*

Есть в Сибири деревенька,
По-над речкою лежит.
Неказиста, неприметна —
Все равно к себе манит.

С юга, запада, востока,
Изумрудный лес стоит.
Непокорна, синеока
Речка быстрая бежит.
На лугах — копешки сена,
На полях — хлеба стоят,
Повседневно, неизменно
В них кузнечики трещат.

А в лесу грибов и ягод
Столько, что не перечесть!
Не окинуть быстрым взглядом.
Приезжайте, будем есть!

*Света Воробьева,
7 класс,
Иркутск*

КОТЕНОК

Мама принесла котенка
Он мяукал громко-громко
И всех криком донимал.
Я котенка понимал
Потому, что тот котенок
Свою маму-кошку звал.

*Саша Мурашов,
4-й класс,
Москва*

Рисунок
С. Ведерниковой

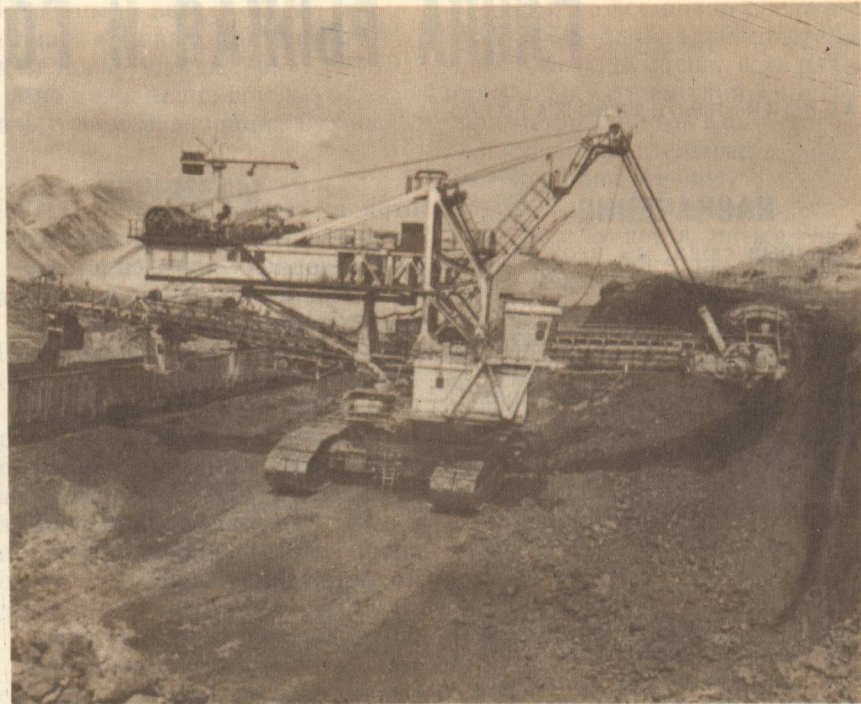
ПЯТИЛЕТКА В ДЕЙСТВИИ

Планомерно и ускоренно осваивать природные богатства восточных и северных районов нашей страны — такое решение принял XXVI съезд КПСС. Эти районы приобретают все большее значение в обеспечении страны топливом, энергией, минеральным сырьем.

Сначала на Лучегорский угольный разрез Приморья пришли самосвалы. Они вывезли землю, и открылся мощный угольный пласт. Затем на тяжелых платформах были привезены эти огромные машины — роторные экскаваторы. Неуклюжие на вид — они сами добывают уголь и грузят в железнодорожные вагоны. Добытый открытым способом уголь намного дешевле того, что приходится добывать из шахт.

Эта странная машина — лесной комбайн. Она сделана в Йошкар-Оле, а работает в леспромхозах. Комбайн помогает лесорубам — срезает деревья, укладывает их и готовит пакеты с лесом для трелевки.

Дудинка — это административный центр Таймыра. Самолеты и вертолеты связывают жителей Дудинки с любой точкой округа и городами страны. Это небольшое в прошлом село превратилось в крупный морской и речной порт на могучем Енисее.

ГЛИНА РЫЖАЯ И ГОЛУБАЯ

ЗАПИСКИ ПИОНЕРВОЖАТОГО

Святослав ВИТМАН

НАЗНАЧЕНИЕ

Прибыв сюда, мы неожиданно узнали, что осваиваем Нечерноземье. Сначала в это было трудно поверить: как известно, самое интересное всегда бывает далеко. БАМ — где-то на краю земли, КамАЗ — тоже не близко. И вдруг Нечерноземье, о котором столько пишут и говорят, находится у нас. Куда ни погляди — всюду Нечерноземье! И наш комсомольско-молодежный отряд, приехавший на мелиорацию, оказывается частью того самого Всесоюзного отряда, о котором можно прочитать в газете. Вот это да!

Но не так-то просто иметь дело с Нечерноземьем.

Устанавливать лотки на дно канала — очень тяжелая работа. Сам лоток — шестиметровое бетонное корыто — весит восемьсот килограммов, и двигают его подъемным краном. Зато все остальное изволь делать вручную — и зажим заводить, а он, между прочим, три пуда тянет, и сам лоток поправлять, если он неровно ляжет.

Грязь вокруг непролазная, по ней ни побежать, ни пройти толком. Завязнут сапоги — стой как приклеенный. Раз, когда лоток чуть не сорвался, пришлось мне из сапог выпрыгивать и убежать по глине босиком.

Чем богата ленинградская земля, так это глиной. Глина голубая и рыжая, тяжелая, мокрая и липкая. В ней вязнут не только ноги, но и трактора.

Вернулись в лагерь, как всегда, последними. Сначала пошли в душ смывать «нечерноземье». Вода для душа в огромном баке на солнце греется. Только теплая уже вылилась на тех, кто с работы приходит раньше.

Пока мылся холодной водой, не заметил, что в лагерь начальство приехало. Захожу в клуб (мы в сельском клубе жили) и вижу, что среди членов

отряда сидит директор ПМК (передвижной механизированной колонны) и объясняет что-то про пионеров. А мне-то какое дело? Я сейчас ужинать пойду...

Но директор вдруг поворачивается ко мне и говорит:

— Вот его и назначим бригадиром.

— Каким бригадиром?

Оказывается, совхозные ребята организовали бригаду для сбора камней на полях, и нужен им бригадир.

— Ты — студент, человек опытный, — говорит директор, — на мелиорации второй сезон, тебе и карты в руки. Главное, следи за техникой безопасности. Пятнадцать детишек тебе дам. Следи, чтобы под трактор не лезли и чтобы никто не попал под пену.

Пена у механизаторов — это стальной лист весом в полтонны, который цепляют к стоильному гусеничному трактору, и трактор волочит санки по любому бездорожью. Бригада идет рядом и кидает на пену камни и коряги, в изобилии встречающиеся на недавно распаханых полях.

— Тракториста, — говорит директор, — дадим тебе самого лучшего.

Ну что же, буду, значит, пионервожатым. Отдохну три недели.

КАМНИ

На следующий день поутру познакомился с бригадой. Трое мальчишек и двенадцать девочек! И с ними я должен камни собирать? Однако делать нечего, погрузились в автобус и покатили.

На поле, куда нас привезли, теперь работало две бригады. Одна пионерская, другая комсомольская. Комсомольцам в среднем по двадцать два года, пионерам по двенадцать. А трактора идут рядом.

— Дядя Слава, обгоним

комсомольцев! — кричат мои подшефные.

— Давайте, обгоним.

Заторопились ребята, забежали. И вдруг — целая россыпь камней. Тут уж мне пришлось поворачиваться. Большие камни детям таскать нельзя.

— Дядя Слава! — кричит бригада.

А мне, как назло, такой валун попался, что с места не сдвинуть. Пришлось отцеплять трактор, он корчевателем выворотил камень из земли и на лист затолкал. Но времени много потеряли. Только тронулись — новый валун. Камень круглый и в земле неглубоко сидит. Поднатужился я и вкатил его на пену.

— Ура! — кричат ребята. — А вон еще один!

В тот день я вернулся в лагерь рано. Помылся в душе. Вода, кажется, была теплой. Не помню. И сразу пошел спать. Так ведь и заснуть не могу. Только начну забываться — руки сами собой дергаются, словно камень из земли выворачивают.

И так целых три недели? Ничего не скажешь, славный отдых мне предстоит!

ПРОГУЛКА

Немного времени прошло, и стал я замечать, что кое-кто из ребят брак гонит. Проходят мимо камней — словно не замечают.

Сделал одно замечание, второе и слышу в ответ:

— А кому надо эти камни собирать, все равно от вашей мелиорации никакого толку!

Это уже бунт. Остановил я трактор и объявил перерыв на целый час.

— Идемте, — говорю.

— Куда?

— Погуляем.

Поднялись пять человек и пошли за мной в дальний конец поля, где пришлось мне рабо-

тать прошлой осенью. Мы укладывали там лотки, засыпали пазухи, а потом должны были проводить сплошную одерновку канала, но когда дело дошло до нее, наступил октябрь, начались заморозки, и дерн класть стало нельзя. И все же мы две недели занимались этой работой, укладывали тяжелый, смерзшийся, рассыпающийся дерн, зная, что иначе весенняя вода размочит землю, и наши лотки завалятся.

Та часть поля, где мы работали, была словно огромная чашка. А мы в этой чашке сделали трещинку. По нашей канаве весело бежал мутный глинистый ручеек. Нас ручеек не радовал. Он разводил много грязи, лотки в ней кувыркались, и их приходилось укреплять колышками. Осушить поле ручеек тоже не мог, и стебли овса и молоденьких подсолнечников стояли по колено в воде.

Однажды на поле появился комбайн. Состриг урожай на горушке, попробовал спуститься на дно чаши, тут же завяз, с трудом выбрался и укатил. Приехали два трактора «Кировец». Пошли вниз и тоже завязли.

На следующий день по нескошенному овсу бродили коровы с ближней фермы. Потому что урожай собрать было нельзя.

Все это я рассказал ребятам, пока мы спускались под горку. И все время меня мучила мысль: а вдруг и в этом году в чашке вода? Дожди-то идут, почитай, каждый день. Что я тогда скажу ребятам?

Канавы открылись неожиданно — идеально прямой полукилометровый разрез на сером теле поля. Он ярко зеленел, словно по дну канавы черкнули зеленым карандашом. Дерн не вымерз, и вода сумела размочить его всего в одном или двух местах. Он плотно лежал вдоль лотков, стыки между кусками были почти не заметны в густой траве.

А по полю, по тому самому месту, где полгода назад беспомощно барахтались мощные

«Кировцы», весело бегал маленький «Беларусь» и развозил на тележке удобрения.

Мне даже не пришлось убеждать, зачем мелиорация нужна.

ПЕРЕМНЫ

Темп мы сохранили высокий. А чтобы не измучить детей и самому не надорваться, начал я почаще объявлять перемены. И пошли у нас бесконечные беседы.

Вот сидим мы на куче собранных камней, смотрим, как по очищенному нами полю, оставляя за собой глубокую узкую канаву — дренаж, медленно ползет ни на что не похожий многоковшовый экскаватор.

Сразу сыплются вопросы, и я рассказываю, что дренаж так не останется. Как только уложат на дно гончарную трубку, так ее засыплют землей. По трубке вода с поля побежит в канаву. Кстати, канава — это вовсе не канава, а открытый канал.

Дренажная система все поле охватит, получится под землей целый водопровод. Работы, конечно, много, на несколько лет. Зато потом удобно: год дождливый, а поле не заболачивается. Засуха началась — заткнул коллекторы большими деревянными пробками, и вся вода осталась на поле. Ясно?

— Ясно. А потом вы будете моховики осушать?

— Где это?

— Тут рядом. Мы за клюквой туда ходим.

— Нет, раз клюква, значит, там верховое болото, его трогать нельзя. Попробуй спусти из него воду, так не только клюква да морошка, не только болотная дичь исчезнет, но пересохнут все родники в округе, обмелеют речки, выродится, измельчает лес. Невесело станется после такой «мелиорации»!

— А здесь почему можно?

— Верховое болото регулирует водообмен, а здесь вода стоит, потому что ей податься некуда, глина кругом, не пробиться.

— Вы же все равно дренажную трубку глиной засыпаете...

— Как ты думаешь, есть разница между слоем глины в полтора метра и в сто? Кроме того, делают поглотительные колодцы. Вон один торчит!

— А если дренаж сломается?

— Не сломается, он же глубоко. А в коллекторах, где дренажная система в канал выходит, асбоцементную трубу ставят, она прочная. Вот заилиться система может. Только это не скоро случится, лет через пять-десять. Тогда она уже будет не нужна.

— Почему?

— Ученые говорили, что если в землю каждый год вносить немного извести, за это время глина превратится в прекрасную плодородную почву. Ведь в глине есть все вещества, не хватает только правильной структуры, а от извести она слипнется в комочки-гранулы, начнет дышать, наладится правильный водообмен.

— А вдруг...

— Никаких вдруг: перемена закончена! Подъем!

Трактор дернул цепь, и куча камней, на которых мы только что сидели, поехала по полю. Бригада рассыпалась вокруг, на пену полетели камни.

САМАЯ ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

В субботу нас послали засеять склоны канала. Работа эта считается легкой: принес мешок с семенами травы, набрал в лукошко сколько надо и идешь, разбрасывая семена, словно былинный сеятель.

Но когда сеет пятнадцать человек, а мешки таскает один, то для этого одного вечер подождать не скоро.

Завтра выходной, надо сходить в библиотеку, пообещал ребятам ответить, какие воинские части освобождали их деревню. Отложить? Нет, нельзя.

Да неужели я когда-то считал, что класть лотки трудно? Самая тяжелая работа на свете — быть пионервожатым. Хотя мне почему-то и жаль, что осталась всего одна неделя.

Юрий КОРОТКОВ

РАССКАЗ

Рисунки Л. Иванова

И приснился Артему удивительный сон.

Будто легко толкается он ластами — и взлетает из воды выше обрывистого берега, так высоко, что перехватывает дыхание. На секунду замирает в высоте... и проваливается вниз, в звенящую пустоту, вонзается в парную светлую воду, — и снова легко толкается ластами — из глубины на поверхность и — под самые облака.

И жутко, и весело. Вверх-вниз, вверх-вниз, все выше в небо, все громче колотится сердце.

Артем сел на кровати, задохнулся студеным утренним воздухом. Прижал ладонь к груди — сердце бьется прямо в ладонь частым двойным перестуком, как вагонные колеса на стыках.

Артем отдышался и услышал обычные утренние голоса: мать зовет кур, пшено сыплется на землю, отец стучит деревяшкой в пол, Лека сладко сопит во сне, и протяжно простуженно свистит электричка за рекой.

Артем спрыгнул с кровати, сунул ноги в растоптанные сандалии, снял с гвоздя ласты и махнул через подоконник. Так быстрее, да и некогда родителям объяснять, почему вдруг ни свет ни заря — на реку.

Трава в жгучей росе, солнце только показалось над заречным лесом — еще не жаркое, слюдяное. В поселке тихо, дачники спят, хозяйева ходят на цыпочках.

Луг спускается к берегу. В траве выбита тропинка. Ноги сами несут вниз, а воздух такой легкий, что только раскинуть руки — и в полет.

Артем торопливо натянул «барракуды», спиной вошел в воду, повернулся и поплыл от берега. Отсюда, от недвижной поверхности реки песчаный обрыв, казалось, очень высок.

Артем нырнул. Вода была плотнее, чем во сне. Она упруго сопротивлялась Артему. Он рывками раздвигал зеленую глубину, увидел дно, присел на корточки и ринулся вверх, толкаясь ластами.

Он выскочил из воды по пояс, замолотил руками... Но вода неохотно пускала вглубь и цепко хватала за ноги.

Он упрямо снова метнулся вниз, от зеленого дна — к солнцу, задыхаясь и чуть не плача.

Когда Артем опять вынырнул, кто-то цепко ухватил его за волосы. От неожиданности он хлебнул воды, расцепил тонкие чужие пальцы. и отплыл в сторону.

— Очумела, что ли?!

Девчонка удивленно таращилась сквозь налипшие на лицо косицы мокрых волос.

— Дура! — в сердцах крикнул Артем и поплыл к берегу.

Он сбросил ласты с окаменевших ног и сел, выкашливая воду. Рядом с сандалиями лежало белое платье. Девчонка по-собачьи гребла к берегу.

— Только выйди! — Артем погрозил ей кулаком. — Чумовая!

Девчонка молча добралась до отмели и встала по колено в воде.

— Отвернись, — тихо сказала девчонка.

Он хотел сказать что-то обидное, но покраснел и отвернулся.

— Все, — девчонка одернула налипшее на мокрое тело платье. — Вот гляди, — сказал она, протягивая руку. На тонком запястье темнели круглые синяки — следы Артемовых пальцев.

— А чего ты... за волосы хватаешь?

— Я думала, ты тонешь!

— Тоже мне, спасательная станция! — фыркнул Артем. — Да я двадцать раз туда и обратно могу. Саженками!

— Саженками — это как?

Артем показал.

— Это называется — вольный стиль, — уверенно сказала девчонка. — А еще есть брасс и баттерфляй.

— Много ты знаешь, — обиделся Артем. — Сама-то едва на воде держится. Да если б я тонул, ты бы первая пузыри пустила!

— Ага, — неожиданно согласилась девчонка и засмеялась.

— Спасатель!

Девчонка приподняла подол платья:

— Все мокрое. Теперь сохнуть надо.

— Айда на траву. Она уже теплая.

Артем поднял ласты и первым полез вверх по песчаному обрыву.

Девчонка карабкалась следом на четвереньках, изредка оглядываясь вниз, куда из-под ног улетали камешки.

Пестрые крыши поселка остались внизу, у реки, которая отсюда видна была насквозь, до волнистых прядей зеленой донной травы. За рекой поднимался такой же песчаный обрыв, и потом пологий зеленый уклон продолжал взбираться к самому горизонту, где игрушечными кубиками новостроек начинался город.

— Красиво у вас.

— Ты из города?

— Ага... Тебя как зовут?

— Артем.

— А меня — Стелла.

— А у кого остановились?

— У Веры Карповны. Знаешь?

— Еще бы! — усмехнулся Артем. — «Рубль-штука».

— Что?

— «Рубль-штука». Ее так прозвали. Она цветы в городе продает. Это твоя бабка?

— Ну да.

Артем удивленно посмотрел на девчонку. На Рубль-штуку, толстую и красную от вечной злости, она ни капли не походила. У нее были глаза, как бусинки, и мелкие беличьи зубки.

— Что смотришь?

— Хочу и смотрю.

Артем встал и взглянул вниз, в поселок. Дом Рубль-штуки легко узнать. Крыша в шахматную клетку — красно-белая, а двор затянут мутной тепличной пленкой.

— «Жигули» ваши?

— Ага.

— Одиннадцатая модель, — определил Артем.

— Не знаю... Мы к морю поедem.

Стелла легла на живот и посмотрела с обрыва: — Высоко как... Вот бы крылья какие-нибудь — и прямо на ту сторону!

— Слушай, — сказал Артем как можно равнодушнее, — а у тебя бывало, что во сне — как будто летишь?

— Конечно, — она засмеялась. — Бегу вот по такому склону, а потом лечу. Ужасно страшно. И здорово. Но больше страшно...

Артем смутился.

— Это мне в детстве такие сны снились.

— Змей! — закричала Стелла. — Смотри какой!

Ниже края обрыва кланялся круглый белый змей, к длинному хвосту которого были привязаны вилка и ложка.

Артем поднял ласты.

— Отец обедать зовет.

— Здорово! — Стелла даже в ладоши захлопала от восторга.

— Удобно. Его отовсюду видно, даже из леса... Приходи к нам. Видишь, вон, где верстак во дворе. Только бабке не говори. Она тебя живьем съест... Ну, пока! — Артем качнулся на козырьке обрыва и спрыгнул вниз.

— Разобьешься! — взвизгнула Стелла.

Артем только засмеялся, съезжая на осыпающемся песке. Хотя по тропинке к поселку было ближе.

На столе под липой лежали огурцы, большие и пустобрюхие, пунцовые помидоры.

— Сумасшедший дом! — бормотала мать, в сердцах стуча ножом. — Все не как у людей! Один на речке целыми днями торчит, другой в футбол все ботинки изорвал, третий, как дитя, змеями балуется. Когда это кончится?..

Отец повесил «обеденного» змея рядом с другими сигнальными и принялся переставлять с места на место миски, подмигивая Артему за маминой спиной. Леке, видно, уже досталось за ботинки — он ожесточенно сопел, ковыряя кору.

— Лестница в подполе прогнила. Третий месяц талдычу, все без толку. Мальчишкам змею — пожалуйста, а лестницу — некогда!.. А вы что как просватанные? Квас несите!..

На заднем дворе Артем откинул тяжелую крышку подпола. Пахнуло сырой землей и прелью. Слева и справа длинными рядами выдвигались из темноты стеклянные банки с соленьями.

Артем снял с бочки деревянную крышку и зачерпнул полный бидон березового квасу.

— Лека!

— Чего? — ушастая Лекина голова появилась в квадратном проеме подпола.

— У тебя бывало так, что во сне — будто летишь?

— Ага, — радостно растянул Лека щербатый рот. — А чего?

— Ничего. Держи, — он протянул Леке бидон. «А лестница действительно прогнила...»

Ели крошку под липой. Мама хмурилась, ели молча. Только стучали деревянные ложки.

— А к Рубль-штуке девчонка приехала, — сообщил Лека. — Страшная! Рот, как у лягушки, — он растянул рот пальцами до ушей.

Артем положил ложку и через стол дал Леке щелбана. Тот заревел, будто только того и дожидался. Реветь Лека умеет: хлопнет ресницами, слезы фонтаном.

— Хватит! — стукнула мама ладонью по столу. — На ферме нервотрепка, и дома покоя нет!

— Он весь день сегодня чумовой, — заголосил Лека. — Пристал ко мне: «Ты летаешь во сне-е?..»

— Ну, Лека, леща схлопочешь!

— Сын-то взрослеет, — непонятно чему усмехнулся отец.

А мама вдруг улыбнулась.

— Ладно, летчики. Вернусь, — чтоб лестница новая была. Артем, курам пшена брось.

...Мама ушла на ферму. Лека умчался, сверкая грязными пятками, со змеем под мышкой. Отец вытащил из подпола лестницу, застучал молотком.

Артем взял миску с пшеном, вышел на задний двор. Куры, распустив крылья, бросились на пшено, клекоча от жадности, теснясь, запрыгивая друг на друга. Артем кинул горсть в сторону, и следом покотился пестрый, теряющий перья ком.

И что за птица такая — курица? Променяла небо на даровое пшено.

Артем забрался на крышу, лег спиной на горячую черепицу, закинул руки за голову.

В жарком безоблачном небе неподвижно стоят воздушные змеи. Вон и Лекин, коробчатый, с хвостом из красной маминой ленты. Сколько змеев Артем сделал, а вдруг надоело с земли нитку тянуть — самого потянуло туда, в жуткую и радостную высоту...

Порхают ласточки: замрут на секунду — и вниз, затрепещут снова острыми крылышками — и вверх. Вниз-вверх, вниз-вверх, будто рисуют волну в небе.

Стриж распахнул крылья и кружит, не снижаясь. Это оттого, что площадь крыльев больше.

Руки — те же крылья, только площадь мала, чтобы удержать человека в воздухе. Закон физики.

Жжет спину черепица, пощипывает грудь солнце. Будничные земные звуки остались внизу, а здесь тихо. Только поскрипывает флюгер, да чуть слышится отцовский молоток: так-так, так-так...

— Пап! Может змей человека поднять?

Молоток умолк.

— В принципе, может.

— А как?

— Нужен очень большой змей. Нужен очень большой ветер. Чем сильнее ветер, тем прочнее должен быть змей. Чем прочнее змей, тем он тяжелее. Чем он тяжелее, тем сильнее должен быть ветер...

Артем махнул рукой и снова откинулся на спину. Сказка про белого бычка.

Отец, стуча протезом, поднялся по лестнице, сел рядом.

— Змей — то же крыло, — сказал он, — только неподвижное. Чтобы подтолкнуть его вверх, нужен ветер.

Отец усмехнулся, раскрыл какой-то журнал. Артем непонимающе рассматривал тонкие ниточки чертежа, высокие колонки цифр. Отец повел пальцем по тонким нитям чертежа.

— Дельтаплан. Почти что змей, только без привязи.

Артем скосил глаза в чертеж.

— Опять из лоскутов клеить? — ворчливо спросил он. — Площадь-то вон какая...

— Ну так как, — отец прищурился. — Осилим?

«Осилили» дельтаплан быстро, в несколько вечеров. Каркас выгнули из старых алюминиевых труб, срастили стальными муфтами. Работа-

ли вдвоем в сарае, кроили и шили полотно на заднем дворе. Леке, чтоб не звонил по поселку, растолковали, что мастертят большой змей.

В один из вечеров, когда работа уже подходила к концу, у калитки притормозили красные «жигули», вышла Стелла. Ярко накрашенная женщина за рулем осмотрела дельтаплан, с усмешкой покачала головой и проехала дальше.

Стелла подошла к забору.

— Твоя машина? — спросил Лека. — И ни капельки не завидно. Заходи, — милостиво разрешил он, отворяя калитку.

Артем хмуро кивнул и, глядя в землю, сказал: — Это Стелла.

— Ну-ка, Стрелка, — сказал отец. — Подержи вот здесь...

Стрелка! Новое имя здорово подошло девчонке. Артем даже обиделся на отца — за то, что сам не смог придумать такого. Белка-Стрелка.

— Веселый у тебя отец, — шепнула Стрелка. — А я его боялась. А где вы летать будете? — спросила Стрелка, поглаживая крыло.

— Хочешь, покажу? — Артем выкатил из сарая мотоцикл. — Садись.

— Осторожнее, Стрелка, — улыбнулся отец. — Это лихач известный.

Стрелка, придерживая подол платья, устроилась на заднем сиденье. Артем передним колесом открыл калитку, лихо прокатил по улице и выехал на берег.

Свежий ветер засвистел навстречу, забрался под рубашку, надул ее пузырями. Мотоцикл грохотал, распугивая чуткую тишину вечернего луга. Эхо возвращалось от дальнего берега. Артем прибавил газу и с разгона взлетел на пригорок так, что тяжелый мотоцикл прогарцевал на одном колесе.

Стрелка ойкнула сзади и обхватила его за плечи. Сквозь рубашку он чувствовал теплые Стрелкины ладони.

Обрывистые берега до краев были полны темнотой. Внизу чуть слышно позванивала на перекате река. В низинах тяжело ворочался, поднимался туман. Далеко расступались луга. Ни звука не было кругом, только ветер редкими, сильными порывами набегал из темноты.

— Вот отсюда, — сказал Артем. — Главное — проводов нет.

Стрелка молчала, глядя в темноту. Ветер с силой вскидывал ее волосы, открывая тонкую шею.

— Мама говорит, если человек летает во сне, значит он растет, — сказала она.

— Что я, маленький, что ли?

Стрелка улыбнулась.

— Когда мне это первый раз приснилось, давно, еще год назад, я потом лежала и думала, что, может быть, люди произошли от птиц, и во сне это вспоминают. У меня младшая сестра — точно — от воробья. Маленький взъерошенный воробей.

— А ты?

— Не знаю. Хотелось бы, чтоб от ласточки.

— А Рубль-штука — от курицы.

Стрелка досадливо качнула головой, так что волосы разлетелись.

— А ты от сыча! Такой же злой!

Артем развернул мотоцикл и завел мотор.

— Садись, ласточка!

— Ты что, обиделся? — она подошла совсем близко, чтобы перекричать грохот мотора.

Артем покачал головой. Они поехали обратно к поселку, и снова Стрелкины ладони лежали у него на плечах. Старый мотоцикл, грохоча, летел сквозь ночь, желтое пятно света плыло впереди, луна катилась по кромке другого берега, и ничего больше не хотел Артем, как ехать вот так без конца...

Дома Артем завел мотоцикл в сарай и через окно залез в свою комнату. Лека спал, раскрыв рот. За стеной негромко переговаривались родители.

— Стройте хоть дирижабль, — говорила мама. — Но чтоб сына туда сажать, — не позволю!

— Привыкай, мать. Сын взрослеет, все равно возле юбки ты его не удержишь.

— Мало ли что может случиться!..

— Мало ли мы в детстве руки-ноги ломали? Вот когда с детства крылья ломают — это навсегда.

Артем зарылся лицом в подушку. И провалился в сон.

Час испытания выбрали ранний.

Дельтаплан, скроенный из плотного полотна, походил на огромную петровскую треуголку. Вдвоем с отцом они вынесли его из сарая.

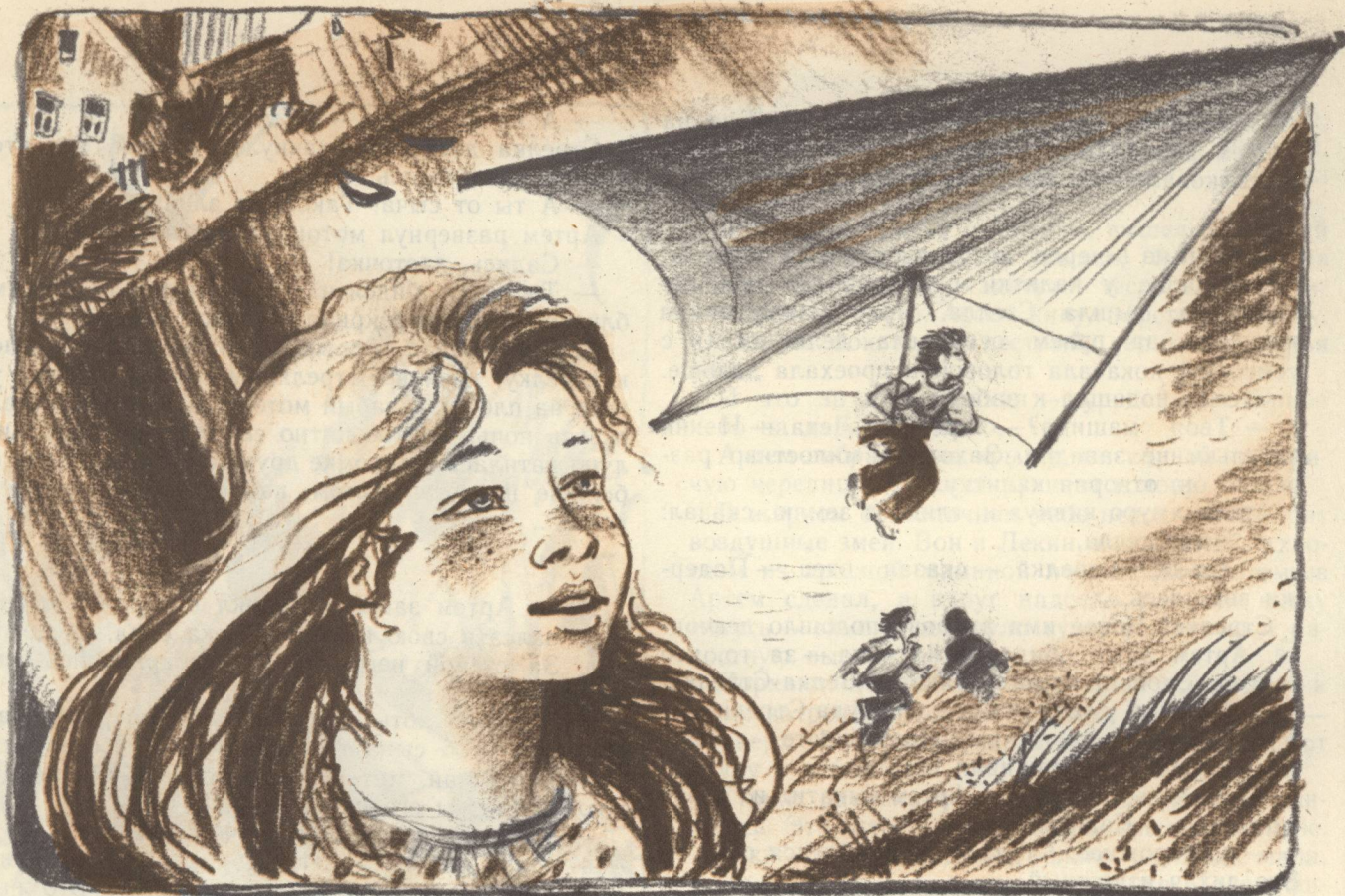
Был порывистый ветер, и за поселком дельтаплан вдруг стал рваться из рук, будто после тесного темного сарая почуял небо. Шли молча. На взгорье Артем надел шлем и солдатский ремень с двумя тонкими ремешками по бокам. Отец пристегнул его к трапеции.

Артем крепко взялся за трапецию, глубоко вздохнул, стиснул зубы и побежал вниз по склону.

Удивительная легкость вдруг появилась в теле. Толкнувшись, он надолго, как на «гигантских шагах», зависал в воздухе, и каждый шаг становился легче, дальше, выше. Опустив ногу, он не коснулся земли, и дельтаплан мягко, настойчиво потянул его вверх. Будто Артем держал за лапы большую птицу, и птица уносила его в небо.

Он лег грудью на трапецию. Внизу, чуть покачиваясь, плыла земля, синяя лента реки, верхушки деревьев. Он увидел отца, следящего за ним из-под руки, и пестрые крыши поселка. И еще он увидел порыв ветра: ветер серебристой волной быстро катился по зеленому лугу.

Артем навалился на левую руку, чтобы встретить ветер в лицо. Припав на левое крыло, дельтаплан начал описывать широкий круг. Но налетел ветер. Сильная птица прыгнула вверх, вырвалась из Артемовых рук, и тело его беспомощно повисло на ремнях.

Он упал на отмель, едва прикрытую водой, и так ударился о песок, что выбило воздух из груди. Дельтаплан накрыл его сверху.

— Больно? — спросил Лека, страдальчески морщась.

Артем чувствовал боль, но как-то отдаленно, будто сквозь сон.

На плече и груди лежали тугие бинты. В носу еще щипало от острого запаха нашатыря. Врачиха ушла.

— Сумасшедший дом! — ворчала мать. — Все люди как люди, только вы — как перелетные птицы. Завтра же брошу в печку все ваши игрушки. Где это видано, чтоб родного сына калечить? Пока я жива — в первый и в последний раз!

Отец подмигнул Артему. Он успел шепнуть, что дельтаплан цел, только трапеция погнулась, и даже обшивка не порвалась.

Артем закрыл глаза. Он все еще, чуть покачиваясь, летел над землей...

— Спишь? Гости к тебе, — голос матери.

Гости? Что за гости? Ребята просто перемахнули бы через подоконник.

В комнату вошла Стрелка, остановилась у дверей, настороженно глядя на Артема. Волосы у нее аккуратно расчесаны и собраны в два пушистых хвоста. Нарядное белое платье с красным воротничком и поясом.

Лека хмыкнул, сполз со стула и, вызываясь, пошел к двери.

— Чего это ты... вырядилась? — спросил Артем.

— А мы уезжаем. — Стрелка подошла ближе, встала у кровати, тербя пушистый «хвост».

Артему было неудобно, что он лежит перед ней такой беспомощный. Он нахмурился и сказал грубо:

— Ну и езжай.

— А я видела, как ты летал.

Стрелка помолчала, опустив глаза.

— А когда ты упал, мама сказала: «Вот и долетался». А я выскочила, даже ногу разбила. Вот, — она приподняла подол платья и показала содранную коленку.

— Поздно ветер заметил.

Стрелка понимающе кивнула. Накрутила на палец пушистый «хвост» и отпустила.

— Похоже? — спросила она.

— Что?

— Ну... как во сне?

— Похоже, — усмехнулся Артем. — Сначала бежишь, потом летишь. Даже крыльев не чувствуешь, будто сам по себе... Только во сне никогда не падаешь.

Стрелка молча глядела на него сверху своими черными беличьими глазками. И от ее взгляда и молчания Артем вдруг неудержимо стал краснеть. Он отвернулся к стене и сказал глухо:

— Ну, чего ты, иди.

— Я приеду еще, — сказала Стрелка.

— Приезжай.

— Ну, я пойду.

— Иди.

Как только затихли ее легкие шаги, в комнату просунулась ушастая Лекина физиономия.

— Целовались? — спросил он.

Артем погрозил ему кулаком. Закрыл глаза и тотчас снова почувствовал, как несут и покачивают его над землей большие крылья.

ПРИШЕЛ ИЮНЬ

МАЛИНОВОЕ ЛЕТО

Вот и наступило малиновое лето — в красной рубашке пришел июнь. Солнышко целый день купается в синем небе. Теплое и ласковое.

На лесной опушке звень. Жужжит, перелетая с цветка на цветок, шмель, гоняются друг за дружкой разноцветные бабочки, звенят в сырой тени комары, как угорелые носятся в воздухе стрекозки, жуки, пиликают на скрипках в густой траве кузнечики, трещат сверчки.

К лесному ручью пришли лосиха и лосенок. Лосиха пьет воду, а лосенок склонил голову набок, глядит на свое отражение в воде — наглядеться не может. Потом копытом ткнул по воде — и враз длинноногое, горбоносое, лопухое чудище исчезло в волнах. Глупый, ума еще не набрался этот лосенок. Маленький потому что!

По небу, по безбрежной голубой пустыне, шагают белыми верблюдами облака. Идут куда-то на край земли.

Пáрит. Воздух словно дышит: дрожит, плывет, струится. Вдруг из-за леса высунула свой лиловый язык великанша-туча. Прокатился, сердито урча, гром. Дохнул ветер, пронесся пыльный столб, крупно ударил дождь. Проливень. Бегут ручьи, журчат, пузырятся — грибы пойдут!

Прошла туча — ожило все, задышало свежестью. Вдали, как цветное коромысло, повисла радуга. Ребятишки бегут по лужам, дождик догоняют, смеются, радуются. «Смотрите, смотрите, — кричат, — радуга! Воду из речки ведром черпает!»

Хорошо летом! Не успела отойти земляника, черника поспела, а там — малина, ожина, голубика, костяника.

Идет лето с грозами, розовыми туманами, с сенокосом, с ягодами и грибами, с голубыми колокольчиками и васильками, с белыми ромашками, с теплыми комариными ночами, с рыбалкой, с орехами, с богатым урожаем.

Ночи летом короткие, зори алые, полдни парные, знойные, а вечера — душистые-душистые.

Всем любо и мило теплое, синеглазое, малиновое лето — венец года!

КАК ХОДИТ ДОЖДИК?

— Не вразвалочку, конечно, как Михаил Потапыч.

— Тогда как?

— Если прямой — значит, прямо, если косой — значит, косо.

— А еще?

— Еще? Хм-м... Больше никак.

— А вот и нет.

Мы с Сережей рыбу удили. Он на берегу озера, а я на островке — есть у нас такое место.

Вдруг из-за леса тучка выскочила, будто злая черная собака.

Сверкнула молниями. Сердито залаяла.

Бежать в деревню поздно — дождь сыпанул.

Снял я рубашку, штаны — связал все в узелок, а сам мокну на островке, словно лягушка-квакушка на кочке.

Летняя тучка быстро умчалась. Оглянуться не успел — солнышко сияет, как ни в чем не бывало.

Столкнул я лодку, к брату приплыл. Смотрю — а он сухонек, словно во время дождя в шалаше сидел.

— Ты что, — спрашиваю, — зонтик с собой взял?

— Какой зонтик? — смеется Сережка. — Это дождик твой остров косил, а здесь, на берегу, хоть бы одна капля...

Пришли мы с Сережкой в деревню.

Дедушка Федор Иванович с лейкой по грядкам ходит, огурцы поливает.

— Дедушка, — спросил Сережка, — разве здесь дождя не было?

— Что ты, милоч! Сухмень, третью неделю сухмень.

На другом конце деревни жил Алексей Иванович — брат Федора Ивановича.

Глядим — он тоже в огороде. Только не с лейкой, а с мотыгой.

— Вот, — сказал Алексей Иванович, — дождик славный прошел. Прополю грядку — огурчики пойдут!..

Вот тебе и на!

— Как же еще ходит дождик?

— Как лисица — стороной!..

ЛОШАДЬ

Чуть утро заголубело, я корзинку в руку — и в лес. Иду лужком. В низине, у болота, облако тумана. Видно, ночью с неба опустилось, чтобы отдохнуть. Туман белый, как молоко, и пенится. Вся низина — большая чашка с молоком. Солнце выпьет молоко и целый день будет румяное-румяное и теплое-теплое, будто коровий бок.

Я остановился у низины, смотрю — из тумана вышла лошадь. Белая и похожая на туман. «Ну и ну! — удивился я. — Может, она из тумана и получилась?..»

Но скоро я узнал нашу Звездочку — колхозную лошадь. Она, видно, отбилась от табуна, который дедушка Пахом погнал в ночное, и оказалась возле болота. Наверное, ей здесь нравится в высокой траве ходить, лягушек пугать.

Звездочка — белая лошадь.

СИБИРСКИЙ ПОСЕЛОК

ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА ХУДОЖНИКА

Г. КОВЕНЧУК

Семь тридцать утра. Поселок уже давно не спит. Горят огоньки в окнах домов, и если смотреть с низкого берега на высокий, то похоже, что перед тобой многоэтажный дом. На автобусную остановку спешат

Окончание.
См. «Костер» № 5, 1981 г.

рабочие в теплых зеленых куртках с кожаными нашивками на рукавах, на ногах валенки. В руках у них пилы «Электрон», похожие на детские трехколесные велосипеды.

До лесосеки едем сорок километров по таежной дороге. В автобусе тепло, тихонько играет радио, переговариваются лесорубы. Сигналы точного времени, на волне «Маяк». В Москве четыре часа утра, у нас восемь.

Рассвет встречаем на лесосеке. Под снегом штабеля деревьев. Желтеют толстые спилы, некоторые в поперечнике чуть не в человеческий рост. Под снегом, выпавшим за ночь, оранжевые тракторы. Люди разогревают двигатели, будто будят машины.

Подъехала автоцистерна с горячей водой. Треск, рычание, выхлопы дыма. Тракторы со своими рычагами и манипуляторами начинают шевелиться. Они будто потягиваются после сна, разминаются, лязгают гусеницами. Снег под ними стал коричневым, похожим на шоколадное мороженое.

Все громче гремят гусеницами оранжево-красные чудовища, за запотевшими окнами кабин — водители. Красивый и гордый, чуть шевеля ветвями, стоит вековой лес. Молча ле-

жат, сложив вдоль стволов зеленые ветви, поверженные деревья, и хотя знаешь, что это будущие дома, мебель, бумага, все равно грустно смотреть на них.

Вот тронулась первая машина, стряхнула с себя снег, задымила и уверенно пошла в глубь леса. За ней — другие. Начался рабочий день.

Верхушки деревьев освещены восходящим солнцем. У подножья дерева лесоруб. Он почти по пояс в снегу. Издалека видна только его оранжевая каска да голубое облачко дыма от пилы «Электрон». Даже шума пилы не слышно. Минута — и закачалась вершина ели. Дерево начало падать, задевая собой ветви соседних стволов, образуя белую завесу от потревоженного снега. И вот оно распростерто на снегу.

Облачко пилы голубеет уже у соседнего ствола.

Рядом работает трелевочный трактор, он собирает хлысты, так лесорубы называют сваленные деревья.

В серебристом, обшитом алюминием домике тепло. Домик стоит посреди вырубки. Топится буржуйка, кипит чайник, на столе варенье, булки. Тут греются лесорубы. Внутри так жарко, что приоткрыто окошко. Лесорубы рассказыва-

ют истории из таежной жизни. Про потревоженных медведей, про то, как в прошлом году в этих местах появились волки. Всякие истории. Один вальщик говорит, что у него дома живет заяц и спит вместе с котом и собакой. А другой, что у него живет рябчик, который днем улетает в лес, а ночевать прилетает домой...

Сумерки. Горят яркие фары на крышах погрузчиков. У лесовозов горят только подфарники. Наш «МАЗ» загрузили, и мы тронулись. Водитель Яков, крепкий, энергичный парень, включил фары. Стоящий на нашем пути бульдозер зашевелил заснеженными гусеницами и заторопился, чтобы уступить нам дорогу. Он был похож на испугнутого медведя.

Дальний свет наших фар прыгает по стене таежной чащи. Мы медленно двигаемся по неровной лесной дороге. Когда выехали на трассу, машина пошла ровно, и за разговорами я даже не заметил, как мы проехали сорок километров.

Водитель рассказывал про Сибирь, про то, как тут хорошо летом — ни один день не похож на другой, — о том, как много тут цветов, малины, грибов. Иногда мы притормаживали, чтобы медленно разъехаться со встречным пустым лесовозом.

— Сейчас Енисей покажется, — сказал Яша.

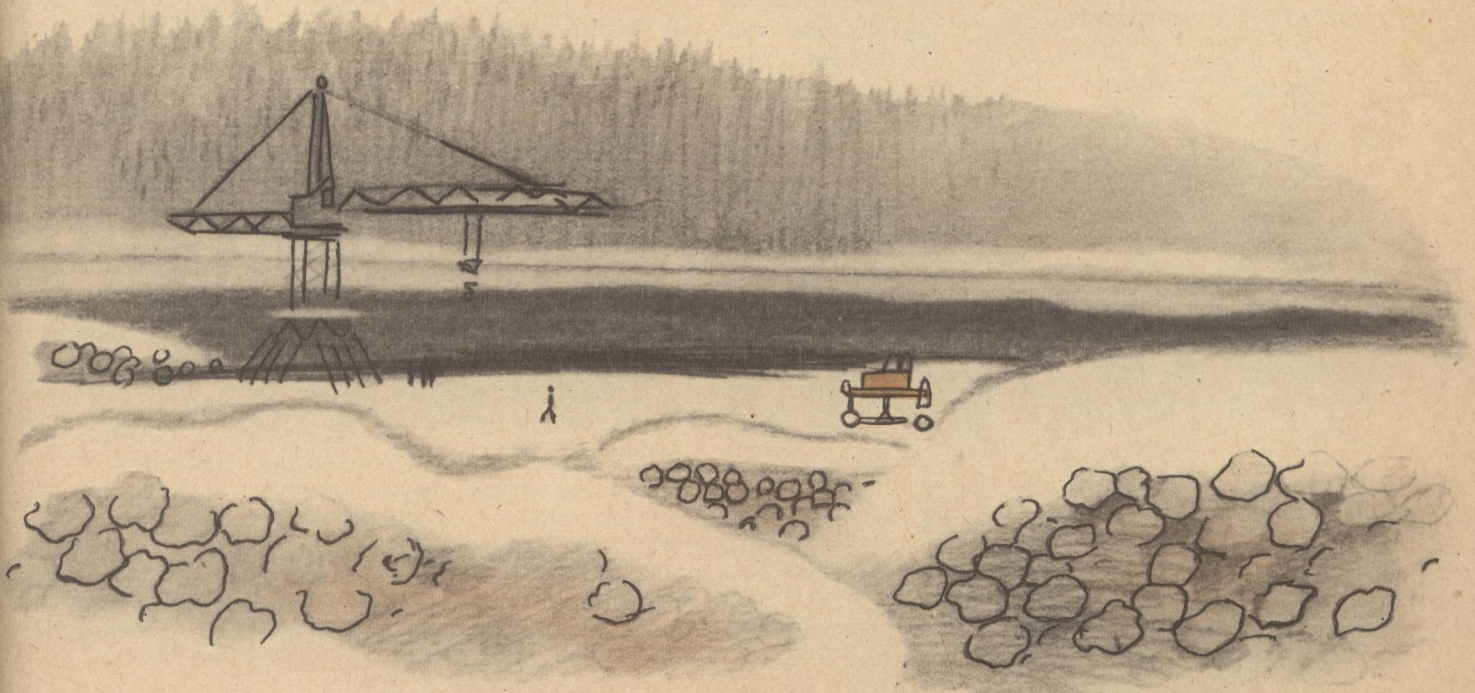
«МАЗ» прибавил скорость, и за поворотом, на черном горизонте появилась серая туманная полоса — кромка противоположного берега.

Во время разгрузки Яков вышел, а я остался в кабине. В заднее окошко были видны освещенные красными лампочками торцы наших двадцати трех кубов, которые берет «МАЗ». Над лесовозом повисла разверстая пасть грейфера. Вверху, под фермой козлового крана, кабина. В ней оператор Анатолий. Сегодня утром я был у него наверху. Сейчас он разгружает наш лесовоз, а

Яков следит, чтобы грейфер правильно, точно по центру, захватил стволы, и машет рукой Анатолию. Машину затрясло, будто мы въехали на ухабистую дорогу, освещенные прожектором стволы повисли на фоне черного неба, а затем медленно поплыли и улеглись в общий штабель.

— Приезжайте к нам жить, — сказал на прощанье Яков. — У нас есть все: воздух, ягоды, лес, река.

Вечер. Улица поселка. Падают снежинки. С портфелями и ранцами школьники идут домой после уроков.

ДЕВОЧКА, МАЛЬЧИК, СОБАКА

ПОВЕСТЬ

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Рисунки Ю. Бычкова

Замечательный рыжий сеттер

Наверно, это была самая умная и самая красивая собака в городе. Она водила по улице пожилого слепого человека. У человека на пиджаке были ордена, и Оля каждый раз, когда встречала его, думала, что слепым он стал, конечно, во время боя.

Человек и собака ходили по улице не торопясь. Собака чуть впереди — рыжий ирландский сеттер, шерсть его отливала темным золотым блеском. На спине у собаки были специальные ремни, и на правом — красный крест, чтобы все знали, что собака эта не простая, а вожатый, поводырь слепого.

У человека было крупное доброе лицо, он шел рядом с собакой, иногда что-то тихо ей приговаривая.

Собака подводила своего хозяина к булочной и спокойно сидела у крыльца, пока хозяин покупал батон и круглый хлеб. Потом она вела к другому магазину, где продавались крупы и колбаса, потом к газетному киоску. Там они переходили улицу. Если ехала машина, собака садилась — пережидала.

Однажды, когда поперек их улицы рабочие вырыли траншею, Оля увидела, как собака села у этой траншеи и не двинулась с места. Слепой человек что-то сказал ей тихо, погладил за ухом, и собака повела его в обход к деревянным мосткам.

Дальше они шли к школе на углу улиц Пархоменко и Орбели, там отдыхали у высокого клена.

Из школы появлялась девочка — первоклассница. Вскидывая ранец за спину, она подбегала к ним, целовала собаку в нос, брала слепого человека за руку, и назад они шли втроем.

Однажды Оля вышла из дома и увидела, что слепой мужчина идет по улице один, без собаки, неуверенно шупая впереди себя асфальт палкой. «А собака заболела», — подумала Оля.

Собаки не было на другой день и на третий. И слепой человек тоже стал появляться на улице все реже.

Несчастье

У Оли была двоюродная сестра — Катя. Они родились в один год, в один месяц и даже в один день. И праздновали день рождения по очереди, то у Оли, то у Кати.

Оля любила Катин дом. Он стоял на Владимирском проспекте рядом с театром. На театре всегда висели афиши, вечером их любили разглядывать люди. Оля — тоже любила. Катини окна были под самой крышей. Чтобы их увидеть, надо было перейти на другую сторону проспекта и задрать голову. И тогда поймешь, какой это интересный дом.

Оля перебежала на другую сторону, а Катя открыла большое окно, замахала рукой и закричала через проспект:

— Оль! Не туда! Сюда! Сюда!

Была весна, тепло, всюду мыли окна и ходили уже без пальто. И крикнуть собственной двоюродной сестре, что она пошла в булочную не в ту сторону — одно удовольствие.

Оля приехала в гости к Кате. Тут неожиданно обнаружилось, что в доме кончился песок, и Оля вызвалась за ним сбегать. Ей стали объяснять, где булочная, но она и сама знала, что булочная почти на углу Владимирской площади. А на другую сторону перешла просто так, чтобы полюбоваться на фонари.

И тут с ней случилось несчастье.

Подбежали трое и сразу:

— Девочка, девочка, иди сюда быстрее! Иди быстрее сюда!

Еще понятно, когда к тебе пристают мальчишки, а то ведь девчонки — такие же, как она, из четвертого или пятого класса!

— Зачем? — спросила растерянно Оля и все-таки пошла за ними в парадную.

— Сейчас, сейчас, — сказала одна из троих, самая высокая.

Они прошли через первые двери, около вторых — больших, с матовым стеклом, Оля было приостановилась, но тут ее подтолкнули вовнутрь, к лестнице.

— Сейчас, сейчас увидишь, — хихикнула самая толстая.

И за Олей мгновенно захлопнулась дверь со стеклом. Тут же девчонки задвинули засов. Оля очутилась одна на полутемной лестнице.

«Подумаешь, — решила она, — поднимусь по лестнице, открою третью дверь и выйду через черный ход. А если нет черного хода, кто-нибудь из жильцов пойдет и откроет засов.

Оля так и сделала: поднялась, дернула третью дверь, но та не поддалась. Она дернула сильнее — дверь была заперта.

А внизу за матовым стеклом три девчонки, кривляясь, запели противными голосами:

— Обманули дуру, длинную фигуру! Обманули дуру, длинную фигуру!

Оля бросилась было вниз, задергала изо всех сил дверь со стеклом, закричала громко:

— Откройте! Откройте, слышите! Открывайте быстро!

Но девчонки в ответ запрыгали еще радостней.

И тут Оля вспомнила, как смотрела на этот дом из Катининого окна, и еще удивлялась, что в доме выбито несколько стекол. А Катя объяснила:

— Он на капитальном ремонте, там никто не живет.

Только теперь Оля поняла, что она в полной власти этих девчонок. Захотят — откроют и выпустят, а захотят — уйдут и оставят неизвестно на сколько времени.

Девчонки ушли.

А Оля осталась одна на пустой лестнице из четырнадцати ступенек, запертая между двумя дверями.

Она еще надеялась, что девчонки вернуться и потребуют что-нибудь, какой-нибудь выкуп например, строила планы, как она обманет их: пообещает выкуп, выскользнет в двери и бегом через проспект. Но девчонки и за выкупом не возвращались.

Сначала Оля просто стояла у стены и плакала от бессильной злости и унижения. Несколько раз она подходила к запертым дверям и дергала их — надеялась, вдруг прежде ей показалось, что двери заперты, а сейчас они откроются, поддадутся. Но запоры не поддавались.

Потом она устала стоять и села на каменную ступеньку. Лестница была холодная, и Оля быстро поднялась. С улицы из-за двух дверей иногда доносился шум трамвая, грохот тяжелых грузовиков, потом снова становилось тихо. Она пробовала считать, досчитала до трех с половиной тысяч и сбилась. Однажды послышался милицкий свисток, и Оля обрадовалась — она подумала, что это ее ищут родители вместе с милиционером. Но свисток больше не повторялся.

Наконец, когда у нее уже не было сил на то, чтобы плакать, когда она перестала вслушиваться в уличный шум и даже надеяться на спасение перестала, а впала в странную полудрему, в этот миг уличная дверь неожиданно грохнула.

Оля вздрогнула от этого грохота, и в первый момент особой радости не почувствовала, может быть, испугалась.

Кто-то затопал ко второй двери, с узкими матовыми стеклами, остановился, вздохнул и стал открывать засов.

Оля стояла, прижавшись к стене, и было ей по-прежнему страшно.

Но когда дверь открылась, она неожиданно для самой себя бросилась к ней и увидела мальчишку. Оля натолкнулась прямо на него, и мальчишка чуть не бухнулся вниз.

Оля прыгнула быстрее к уличной двери, открыла ее.

И тут Оля догадалась: конечно, этот мальчишка в потрепанной синей нейлоновой куртке — из той же девчончьей компании. Они заперли, поиздевались в свое удовольствие, теперь он открыл, а они — рядом где-нибудь в подворотне продолжают хохотать.

— Я сейчас... я сейчас... в милицию отдам! — сказала вдруг Оля решительным голосом, и даже сама удивилась этой своей смелости.

А тут как раз на другой стороне улицы появились папа и милиционер.

— Папа! — крикнула Оля через улицу по-прежнему смелым голосом.

Папа услышал. Оглянулся удивленно, увидел Олю, сказал что-то милиционеру, и они побежали через трамвайные пути.

— Нашлась! — папа схватил ее за руку, но лицо у него все еще оставалось нервным. — Ну куда ты потерялась, дочка!

— Это он вместе с девчонками меня запер! — Оля показала на мальчишку, стоявшего в дверях и глядевшего на них с удивлением.

— Никуда я тебя не запираю, — тихо проговорил мальчишка, глядя в землю.

— Не может этого быть, — сказал милиционер странно спокойным голосом, а потом кивнул мальчишке: — Антон, ты не видел, кто это сделал?

— Нет, не видел. — Мальчишка по-прежнему не поднимал головы.

— Замерзла совсем! Совсем замерзла! — говорил в это время папа. — Товарищ сержант, спасибо большое, я пойду ее чаем напою. Может, и вы зайдете чайку попить, ведь нашлась!

— От чая бы я не отказался, да найти надо виновников... Протокол составить: что было с девочкой, зачем ее заперли, с какой целью.

— Главное, что благополучно нашлась! — папа наконец заулыбался.

— А протокол все-таки надо составить, — милиционер продолжал говорить спокойным вежливым голосом. — Я на своем участке порядок строго поддерживаю, а участок у меня трудный. Так что вы идите, напоите дочь чаем, а потом вместе в отделение. Разберем подробно, как и что происходило. Если дети начнут так исчезать...

— Хорошо, хорошо. — Папа кивнул и, не отпуская Олину руку, повел ее в дом к Кате.

Они поднялись на лифте, а в квартире ее обступили все. Мама то счастливо смеялась, то плакала, Катя и ее отец тоже не переставали улыбаться.

— Я все свои улицы обегал, только заскочил домой узнать новости, гляжу в окно — вы идете! — повторял Катин отец.

Праздничные блюда были убраны, но Оле принесли отдельно. Она ела, пила чай с особенным пирогом, который испек отец Кати, и рассказывала, как на нее налетели какие-то девчонки, загнали на лестницу, продержали весь вечер, а потом послали своего знакомого мальчишку отпереть.

— Это просто так оставлять нельзя! — говорил папа решительным голосом. — Сейчас допьешь чай и пойдем в отделение.

Но в отделение милиции они так и не пошли, потому что после чая Олю разморило — захотелось спать. Олины родители вызвали по телефону такси и отвели полусонную Олю в машину, а Катя с отцом их проводили.

В следующие дни Олин папа еще несколько раз вспоминал про отделение милиции, а потом у него появились другие срочные дела, и о трех девчонках он больше не вспоминал.

Скоро начались летние каникулы, и Оля тоже все реже вспоминала о том случае.

Но в начале сентября, когда она ехала с мамой в электричке, она вдруг увидела мальчишку. Мальчишка был в той же голубой потертой куртке, и вошел он в вагон на остановке. А Оля ехала из Сестрорецка. Оля сразу узнала его, а он нерешительно оглядел пассажиров, и вид у него был виноватый, может быть, он снова сделал какую-нибудь пакость людям. Мальчишка вел рыжего ирландского сеттера, точь-в-точь похожего на собаку, которая была у пожилого слепого человека на улице Пархоменко.

Он прошел по вагону, уселся в самом конце, достал из сетки бутылку с водой, алюминиевую мисочку и стал поить сеттера, а собака принялась громко пить.

Олю он, к счастью, не замечал. А Оля все видела и слышала.

Какой-то взрослый повернулся к мальчишке и спросил дружелюбно:

— Как зовут твою собаку, мальчик?

И вместо того, чтобы спокойно назвать имя, если ты везешь свою собаку, мальчишка вдруг вздрогнул, испуганно оглянулся и только потом виноватым голосом что-то проговорил.

И в эту секунду собака села, а потом смешно положила правую лапу на голову, словно прикрыла ухо. Точно так делала и собака пожилого слепого человека.

Тут уж самый недогадливый сообразил бы, что это за сеттер!

Сержант Петренко

Сержант Петренко был человеком пожилым и одиноким. В прежние годы у него была жена, но она скончалась.

Антон и маму его — докторшу Нину Федоровну сержант милиции Петренко знал хорошо. И не потому, что они жили на его участке и в одном с ним доме. А еще и потому, что Антон

с докторшей ему нравились. И зимой, когда Нина Федоровна не подрабатывала на «скорой помощи», а вечерами была дома, сержант любил зайти к ним и попить чаю с вареньем.

Иногда он думал, как хорошо получилось бы, если бы Антон был его сыном. Они бы вместе ездили в лес за грибами, вместе дома мастерили бы нужные для хозяйства вещи, а в воскресенье на стадионе смотрели бы футбол.

Антон был, конечно, мальчишкой сложным, но простых людей в жизни нет — сержант это знал по службе. В марте решил Антон сделать фотографию Владимирской площади с крыши троллейбуса. Он в это время фотографией увлекался. Троллейбусов на кольце было несколько, Антон забрался на один из них, а водитель не заметил и поехал. Хорошо, прохожие на улице закричали, да и сержант был неподалеку.

Очень тогда хотелось сержанту наказать Антона, но с другой стороны — фотография, увлечение, страсть.

...В тот вечер, когда потерялась, а потом нашлась девочка, у сержанта был разговор с начальством. Начальство просило всех сотрудников милиции срочно найти подозрительного мужчину. Он воровал всевозможные вещи, даже несколько собак, оставленных у магазинов, украл. Действовал он в основном в центре.

И первая мысль, когда сержанта остановили и сказали о пропаже девочки, была страшная.

Но все кончилось благополучно. Девочка обнаружилась, указала почему-то на Антона, наверняка перепутала. В том, что Антон не станет запирать прохожих на улицах или красть их — сержант был уверен. И все-таки сержант жалел, что отпустил девочку с отцом, не выспросил их о подробностях.

Рыжий сеттер

Эту удивительную собаку Антон увидел в первый же день, как приехал на дачу.

Все лето он думал о ней. Он даже сделал несколько ее портретов и повесил в своей комнате.

На даче в Тарховке Антон жил с того лета, как помнил себя. А помнил он себя, не то, что некоторые, — с годовалого возраста. Он даже помнил, как учился ходить, как ему было страшно оттого, что земля качается под ногами. Он помнил молодое улыбающееся мамино лицо. Он помнил и другое лицо — с длинными усами. Позднее такое лицо он увидел в альбоме у бабушки Насти. И бабушка объяснила, что это — его отец. Они поссорились с мамой, когда Антону был год, и расстались навсегда. Отец даже в Москву переехал, потому что не мог спокойно жить в Ленинграде, где были Антон и мама. Он регулярно присылал своей матери — бабушке Насте заводские газеты с заметками о самом себе. В тех заметках писали, какой он замечательный производитель, новатор и рабочий-изобретатель. К десятилетию Антона отец прислал в подарок большой ящик. Там были фотоаппарат, увеличитель, кюветы и книга «Советы юному фотолюбителю».

С того дня Антон и увлекся фотографией. Он сделал портреты двух своих соседок по коммунальной квартире, а весной снял льдины, плывущие по Неве, и крыши домов, отражающие огни реклам. Сержант Петренко даже советовал послать эти фотографии на выставку — так хорошо они получились.

А еще Антон мечтал о собаке.

...Красивый темно-рыжий пес с умными печальными глазами ходил рядом с хмурой теткой по Гагаринской улице. Уши у пса были длинные, висячие, шерсть тоже длинная, блестящая, такая у него была порода — ирландский сеттер, еще он назывался рыжим сеттером. Антон знал многие породы собак, в библиотеке он читал специальную книгу.

Опытный собачник, встретив хозяина и собаку, сразу определит, в каких они отношениях.

Лицо у тетки было всегда недовольным, она не смотрела на своего сеттера, а шла сама по себе. Значит, она его не любила, не уважала. А сеттер шел спокойно рядом, не дергал поводок, лишь иногда грустно оглядывался по сторонам да останавливался понюхать у столбика, чтобы узнать, кто здесь проходил до него.

Тетка при этом дергала поводок, значит, собак не понимала.

Антон хотел собаку с младшей группы детского сада.

Он жил с матерью в коммунальной квартире, там были еще две старушки. А в коммунальной квартире без разрешения жильцов собаку держать нельзя. Черепаху можно, рыбок в аквариуме, кое-каких других животных, а собаку — запрещено. И правильно. Потому что у соседки Валентины Егоровны от шерсти животных — кашель. Прежде она сама держала кошек, а потом ей врачи запретили, и она передала их в хорошие руки. Когда Антон учился в первом классе и не понимал жизни, он время от времени заговаривал с мамой про собаку, но мама лишь грустно вздыхала.

И все-таки Антон продолжал мечтать о собаке, а с того дня, как увидел на даче сеттера, он стал мечтать именно о таком красивом и благородном псе.

Едва хмурая тетка показывалась вместе с сеттером на улице, Антон выходил за калитку и шел в отдалении, словно загипнотизированный.

Сон

В Ленинграде, на Владимирском проспекте, недалеко от Антона жила девочка Катя.

Она тоже училась в пятом классе — Антон узнал это случайно, когда увидел ее в Эрмитаже на школьной экскурсии около античных статуй. Там же он узнал и ее имя.

Катя занималась музыкой — Антон несколько раз встречал ее на улице с нотной папкой.

А однажды Антон переходил Владимирский, взглянул нечаянно на засветившееся окно-фонарь под самой крышей и увидел в нем Катю, Антон даже остановился от неожиданности. На него чуть грузовик не наехал.

Так Антон узнал, где можно Катю увидеть. Мимо ее дома он проходил каждый день и всегда, будто нечаянно, заглядывал в окно. Но Катю он видел там редко.

Антон и летом на даче о ней вспоминал, а недавно она приснилась ему.

Во сне Антон шел по своей Колокольной улице вместе с рыжим красивым сеттером. И такая у них была настоящая дружба с умным псом, что Антон вдруг остановился и поцеловал сеттера в коричневый кожаный нос. И тут из-за угла показалась Катя. А из подворотни неожиданно выскочили три хулигана. Хулиганы почему-то были одеты в женские платья, они бросились к Кате. Но Антон с сеттером были начеку. Быстрым уверенным шагом они приблизились к хулиганам. Сеттер грозно зарычал на них, и хулиганы, придерживая подолы платьев, разбежались в разные стороны. А девочка взглянула на Антона, на смелого пса, неожиданно присела в своем красивом розовом пальто и тоже поцеловала сеттера в коричневый кожаный нос.

Вода в консервной банке

Как-то днем Антон снова шел за рыжим ирландским сеттером и хмурой теткой.

Было жарко. Желтеющие листья светились на солнце и шуршали от ветра.

Тетка и сеттер подошли к магазину. Там тетка привязала пса к столбу, а сама вошла вовнутрь.

Умный пес лег на землю, чтоб было прохладнее. Он громко дышал, и с длинного языка падали на землю капли влаги.

Антон остановился около сеттера. Уже несколько дней ему хотелось погладить блестящую собачью шерсть, но он все не мог решиться.

— Твоя собака, мальчик? — спросил вдруг прохожий. — Кто же собаку на солнце привязывает? Смотри, как она от жажды мучается. — И прохожий сокрушенно вздохнул.

Близко была колонка. Там как раз набирали воду в ведра. Сеттер посмотрел на плещущую воду и облизнулся. И тут Антон сообразил. Он схватил валяющуюся консервную банку из-под шпрот, набрал холодной воды и отнес псу.

Сеттер стал пить громко и быстро, не поднимаясь от земли, Антон набрал воды снова, и теперь сеттер пил спокойнее, даже оставил немного в банке. Антон осторожно погладил его по спине, и сеттер взглянул Антону в лицо.

Тут как раз вышла хмурая тетка.

— Что ж вы собаку на солнце привязали, — сказали ей люди, стоявшие у магазина. — Хорошо, мальчик догадался, попить принес.

— Продали мне эту собаку за пять рублей, говорили, дом сторожит, а она только сидит, вздыхает, да в глаза заглядывает, — пожаловалась в ответ тетка. — Теперь и мучаюсь. Был бы хороший человек, задаром бы отдала.

Тетка отвязала сеттера от столба, они пошли назад к Гагаринской улице, и Антон снова побрел за ними следом.

Разговор

Сколько раз он так ходил за ними в отдалении, все лето, мечтая хотя бы прикоснуться к сеттеру, хотя бы поймать его взгляд. Иногда он набирался смелости, решался подойти к тетке и заговорить о чем-нибудь, о чем угодно, предложить донести тяжелую сетку, полить огород, а в ответ тетка разрешила бы ему погулять с собакой. Но в последний момент смелости все-таки не хватало.

И вдруг тетка обернулась к Антону сама, и сама заговорила с ним:

— Мальчик, ты зачем следом бродишь? Или замыслил что?

— Я не брожу, я так... — Антон растерялся.

— А я думаю, что не так. Или собака нравится?

— Нравится, — ответил Антон и почувствовал, что голос у него стал от волнения хриплым.

— А я вот собак не люблю. Купила, думала, привыкну, все-таки живая душа. Не получается. И его мучаю и сама мучаюсь, — тетка повторила вчерашнюю фразу.

Она замолчала, словно ожидала, что теперь Антон станет продолжать разговор. Но Антону заговорить было невозможно.

— Завтра в город. И куда я его с собой повезу. Не было у бабы хлопот, купила она испанеля.

— Это не спаниель, это — ирландский сеттер, — поправил Антон. — Спаниели меньше ростом, а уши у них длинные.

— А мне все одно, что сеттер, что испанель.

— Не испанель, а спаниель, — снова не сдержался Антон.

— Во-во! Тот, который продавал, так и говорил.

Тетка замолчала опять и принялась рассматривать Антона. Антон опустил голову, и даже жарко ему стало. Он почувствовал, что наступает главное мгновение.

— А что, — спросила тетка, — ты собак любишь? Я смотрю, ты все лето за нами бродишь.

Антон так и не смог выдать ответ, а лишь кивнул опущенной своей головой.

— Чего же тогда тебе родители не купят? Или деньги жалеют?

— Жалеют, — сказал Антон.

Это была неправда и поэтому выговорилась она легче.

— Ну-ну, — проговорила тетка и пошла с сеттером дальше.

Антон же остался стоять около дерева.

Полдня он не мог ни о чем другом думать. Все мысли были только о собаке.

А к вечеру тетка снова вышла на улицу с сеттером. И сама подошла к Антону.

— Что-то я тебя все одного вижу, без родителей. Где они у тебя? Отец-то есть?

— Есть, — соврал Антон, — он в Москве.

— А мама — тоже в Москве?

— Мама — врачом в больнице работает.

— Врачом — это хорошо, — подумав, сказала тетка. — А что родители скажут, если собаку дома увидят. Не похвалят?

— Похвалят.

— Ну, смотри, парень, — решила тетка, — я тебе эту собаку дарю, но чтоб ты ее ничем не обидел.

Антон стоял, по-прежнему глядя в землю.

— Что сказать надо, когда тебе дарят взрослые?

— Спасибо, — с трудом выговорил Антон.

— Приходи завтра с утра и забирай. Этот, который мне продал, никудышный был человек. Спрашиваю, как собаку-то зовут. А он говорит, Буль. У меня, говорит, дома всех булями зовут, — тетка презрительно махнула рукой.

Счастье

Это было счастье! Счастье, счастье! У него была своя собака! Он мог теперь гулять с ней, сколько захочется. Хотя бы два дня, пока длится дача.

А потом он может взять сеттера в город, устроить у хороших людей жить, сам будет ходить с ним каждый день.

У него была своя собака!

Они вышли за калитку, и тетка смотрела им вслед.

Антон держал в левой руке алюминиевую миску, в правой вел Буля на поводке, и ему казалось, что вся улица их разглядывает.

Он гордо прошел до угла, по направлению к даче бабушки Насти и только в эту минуту, дойдя до угла, понял вдруг, что ему с собакой деваться некуда. Ведь не вести же пса к своей даче — попробуй, объясни бабушке, где его взял.

На минуту ему стало страшно, даже захотелось бежать назад к бывшей хозяйке, посадить молча, не глядя на ее изумление, сеттера и убежать куда-нибудь в лес.

Но тут он перехватил умный взгляд Буля, и страх прошел.

Антон решил пойти с сеттером в лесок к заливу. По дороге он несколько раз останавливался погладить пса и угощал его печеньем.

— Буль, Буль, — приговаривал он, — мы теперь с тобой вместе. Ты у меня самый хороший пс.

Буль печенье ел с удовольствием и однажды в ответ лизнул руку.

Все оказалось дружим

Прежде, в мечтах, Антон часто представлял себе прогулки с собакой.

Вот он идет, спокойный и уверенный, держит в руке поводок. А поблизости весело бегают сеттер, постоянно оглядывается на хозяина, ловит каждое слово и знак.

— Сидеть! — командует Антон, и сеттер мгновенно садится.

Антон гладит его, берет на поводок, они переходят дорогу, а потом Антон снова отпускает сеттера и опять продолжается их счастливая прогулка...

Все оказалось другим.
Большого позора с Антоном не случилось никогда.

Едва они пришли в лес, и Антон отпустил сеттера, как пес, понюхав кусты, мокрые от утренней росы, повернулся, и не очень быстро, но не так уж и медленно, побежал в сторону Гагаринской улицы.

— Буль! Буль! — звал Антон и показывал сеттеру печенье.

Но Буль перестал замечать Антона. Он нюхал куст или столбик, а потом бежал дальше. Антон был для него посторонним, чужим.

И Антон представил, как сеттер сейчас прибежит к теткинскому дому, а тетка в это время будет как раз запиравать калитку. Сеттер усядется рядом с нею, и тетка посмотрит на Антона презрительно, а потом скажет:

— Эх ты, нельзя тебе собаку доверить!

Антон бежал за Булем по улице и уже не звал его громко, а лишь тихо, про себя, повторял:

— Что же делать, а? Ну что делать!?

На калитке у теткиной дачи висел тяжелый замок.

Буль ткнулся носом в рейки, отодвинул одну из них и проскользнул за забор. Он спокойно прошел по песчаной дорожке, взобрался на крыльцо, успокоенно вздохнул и лег около двери на веранду.

Антон снова звал его, протягивал через забор печенье, но сеттер лежал отвернувшись, уставившись носом в дверь.

Мимо по улице шел человек.

— Не дразни собаку, мальчик, — сказал он строго.

— А я и не дразню, — ответил Антон со злостью. — Это моя собака, мне ее подарили.

— И не разговаривай так грубо, — человек посмотрел еще строже. — Кто тебе его подарил?

— Тетка.

— Какая тетка? — удивился прохожий. — Как ее зовут?

Антон не ответил.

Прохожий покачал головой и пошел по улице дальше. Антон же сел у забора на траву.

Оказывается, это еще недостаточно, когда один человек передает собаку другому. Надо, чтобы и собака поняла, что новый хозяин — ее друг. Сеттер пока этого не понимал и по-прежнему считал хозяйкой хмурую тетку.

Но это была лишь первая трудность. О других пока Антон не догадывался.

Новый день

Поднималось солнце и становилось жарче.

Буль по-прежнему лежал на крыльце. Он вывалил язык и часто дышал.

Надо было по крайней мере принести ему попить.

Алюминиевая миска, которую прежняя хозяйка дала Антону, была все еще у него в руках.

Антон набрал из колонки воду в эту миску,

просунул ее через ту же щель, в которую пролез Буль. Сеттер оглянулся на воду, но с крыльца не двинулся. Тогда Антон решился и перелез через забор. Он поставил воду рядом с сеттером, и лишь тогда пес посмотрел на Антона, вильнул хвостом, а потом, спеша и расплескивая воду, как в прошлый раз у магазина, принялся жадно пить.

Потом, когда Буль напился, Антон посидел рядом с ним на крыльце, положив руку ему на спину, и пес несколько раз вильнул в ответ хвостом.

...Вчера все казалось простым. «Лишь бы собаку получить, а уж накормить-то ее будет легко», — думал Антон. Но он не подумал о том, где сеттер станет жить. Даже сегодня поместить его было негде. Хорошо, под крыльцом дверца не запиралась, и сеттер, полежав рядом с Антоном, ушел туда. Там была его будка, дом.

Обед Антон решил унести к Булю незаметно для бабушки Насти. Но ведь суп в руках не унесешь. Хорошо, на второе была котлета, и ее Антон спрятал удачно.

Но котлету Буль есть не стал. Он даже не посмотрел на нее, наоборот, отвернулся. Антон боялся теперь выйти с ним на улицу и просидел на крыльце рядом с сеттером до вечера. И до вечера Буль ничего не ел.

А утром Антон уезжал в город. Скоро начиналась школа, и перед школой, как всегда, — медицинский осмотр.

Антон взял из холодильника у бабушки Насти кусочек колбасы, сделал бутерброд и отнес его Булю.

— Вечером приеду, ты не волнуйся, — успокаивал он пса, а Буль и не волновался. Буль, как и вчера, лишь шевельнул хвостом, но на еду даже не посмотрел.

Антон положил еду на лист лопуха в тень около крыльца и побежал к своей даче. Там его ждала бабушка Настя, чтобы ехать в город.

Еще вечером Антон надеялся, что бабушка на дачу вернется. У него была маленькая комната под крышей. Днем, когда солнце разогревало крышу, в комнате было душно и при открытых окнах. Зато вечером от крыши с потолка шло приятное тепло. От сосны за окном шел теплый смолистый запах. По ночам сосна шуршала, поскрипывала, тихо вздыхала. Бабушка раньше говорила, что съездит в город на день и вернется назад. Теперь, по дороге к электричке Антон узнал, что бабушка передумала, решила приехать на дачу лишь недели через две, когда пойдут осенние грибы. Дачу она заперла на все замки, потому что дачники все уже уехали.

Получалось, что и комната Антона была теперь заперта.

Котилка

В электричке Антон не переставал думать о Буле.

Бабушка Настя заговаривала о чем-то. Он не слышал ее, лишь кивал головой. Она проверяла

варенье в кошелке, вновь говорила. Антон же думал только о Буле.

Сеттера подстерегали опасности со всех сторон. Во-первых, он по-прежнему не брал еду, а только пил.

Во-вторых, его легко мог украсть любой вор. В-третьих, если Буль выйдет на дорогу, его могут схватить собаколовы и отправить на усыпление.

И он, Антон, еще не став как следует хозяином, уже бросил сеттера, едет по своим делам в город.

Бабушка Настя довезла Антона до Колокольной улицы.

Дома их ждала мама.

— Все одна живешь, сама по себе, — сказала бабушка, пробуя суп из тарелки с синими цветочками.

— Почему же одна, теперь вот Антон приехал, снова будем вместе.

— Выходила бы ты замуж, — сказала бабушка, продолжая хлебать суп.

— Это за кого ж? — спросила мама, глядя в сторону.

— А хоть бы за милицейского, который к вам на чай заходит. Это ничего, что ты — врач, а он — сержант. Главное, чтоб человек был добрый.

Мама негромко и грустно рассмеялась.

Такие разговоры бабушка Настя заводила всегда, когда видела маму. Антон слушать их не любил, и старался быстрее уйти. И сейчас — тоже, он быстро поел и побежал на осмотр в школу. Он привык, что в жизни их только двое: мама да он.

На осмотр собрался почти весь класс.

Каждый рассказывал свои новости, кто где летом был, что делал. Антону тоже хотелось рассказать про Буля, но он молчал, потому что о сеттере рассказывать было пока нельзя.

Осмотр длился долго — была большая очередь. «Как осмотрюсь, так на дачу к Булю поеду», — думал Антон.

Но на дачу ехать ему не пришлось.

Когда он вернулся домой, бабушки Насти уже не было. Антон надеялся, что мама тоже уйдет на вечернее дежурство в «скорой помощи». Он еще деньги хотел взять из копилки, потому что других денег на еду для Буля у него не было.

— А мы с тобой в кино идем, — сказала мама. — Я так по тебе соскучилась! Сегодня у меня выходной, я уже билеты взяла.

А Буль оставался на даче один. Без еды и питья.

Во время фильма все зрители громко смеялись, потому что показывали комедию. Мама тоже смеялась. Лишь Антону было странно и неприятно — чего смешного все они находят в этом скучном фильме.

Утром он проснулся рано и все ждал, когда же мама уйдет на работу.

— Ну что ты так рано проснулся, вставай завтракать, если не спишь, — сказала мама. — Вставай, вставай, дружок, и скушай пирожок, — пропела она.

Она и в самом деле, успела к завтраку испечь пирожки.

— Какие планы у тебя на сегодняшний день? — спросила она за завтраком. — Я сразу из больницы на дежурство в «скорую помощь». Вся еда — в холодильнике. Не разучился подогревать?

— Не разучился, — ответил Антон.

— Будет минутка, вечером забегу.

Как только за мамой захлопнулась дверь, Антон взялся за копилку. Это был игрушечный чемоданчик с ручкой и замком. Замок открывался специальным ключиком.

Антон вывалил деньги на постель и стал перебирать. В копилке было двенадцать рублей. Туда собирались монеты уже больше трех лет.

Антон взял рубль, остальное высыпал назад.

Встреча в булочной

На углу, в магазине он купил пакет молока, рядом в булочной — городскую булку.

В булочной к нему подошла Катя.

Конечно, не к нему подошла, а просто остановилась рядом, взяла батон за шестнадцать копеек, встала за Антоном в очередь, чтобы заплатить деньги.

Антон уже столько раз представлял, как они однажды окажутся рядом, где-нибудь в кино, что он скажет ей, постарается сказать что-нибудь веселое, чтобы сразу показать, какой он остроумный, а она в ответ улыбнется и посмотрит на него и тоже что-нибудь скажет. И так у них получится знакомство.

И вот они встретились в булочной. Он держал дурацкий пакет с молоком, в другой руке булку, и никак не мог нащупать в кармане мелочь, даже кассирша на него заворчала, что он копается. А на Катю он даже не смотрел, лицо стало деревянным, ноги-руки — тоже деревянными, и уж не только остроумного слова, а даже просто слова сказать он не мог.

Они вышли из булочной почти одновременно. Катя сразу пошла к своему дому, Антон же — к метро.

...В электричке Антону стало страшно.

Это прежде все казалось так просто: была бы собака, а остальное делается само собой.

Даже осень и та казалась далекой.

А оказывается, вот она — осень. За окнами поезда по-осеннему гнулись от ветра желтеющие клены, на низком осеннем солнце горели рябины, по шоссе ехали машины с грибниками — у каждого огромная корзина.

Осень пришла, но Антон не знал, где поселить Буля. Кто ж согласится собаку держать у себя просто так, не считая своей. Потом он вспомнил про Катю. И ему стало стыдно еще больше, чем в булочной, оттого, что он так одеревенел и выглядел перед Катей дурачки.

Наконец, электричка остановилась у платформы.

Продолжение следует

БАРАБАН

И 6

Пионеры всей страны делу Лемма верны!

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Мир и солидарность

Исполнилось 35 лет пионерской организации «Сонендан» (Детский Союз).

Корейские пионеры носят красный галстук и значок, на котором изображены государственственный флаг КНДР, маленькая пятиконечная звезда и три языка пламени — символ единства трех поколений.

Тридцать пять лет назад в первое воскресенье июня по улицам городов и сел Венгрии в торжественном строю прошли пионерские отряды.

Младшие пионеры (их называют «маленькие барабанчики») были в синих галстуках, старшие — в красных.

С тех пор в самом начале первого летнего месяца пионеры ВНР празднуют день рождения своей организации.

1 июня — Международный день защиты детей. В этот день во всех пионерских отрядах и дружинах пройдут митинги солидарности с детьми стран, борющихся за свою национальную независимость.

В этот день откроются выставки и фотовитрины «Два мира — два детства», прозвучит пионерская клятва верности ленинским заветам интернационализма.

Завершится смотр работы клубов интернациональной дружбы. Он проходил под девизом: «Эту дружбу на все времена завещал нам великий Ленин!»

Лучшие киды награждены Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, Министерства просвещения СССР.

Поздравляем победителей смотра!

ВЕСТИ ИЗ ПИОНЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Идет операция «Родному Нечерноземью — пионерские тракторы».

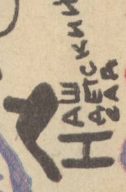
В 33 дружинах области появились юные мастера-кролиководы. Они отлично работают на пришкольных кроликофермах.

Весь учебный год в городе Владимире и Владимирской области работали школы пионерского актива. Подготовлены кадры для пионерских лагерей. Ребята научились проводить коллективные игры — эстафеты «Старт», «Бей, барабан!», «Знаем и умеем». Научились выпускать стенгазеты, налаживать работу юнкоровских постов.

Совет пионерского штаба, город Владимир

На берегу Енисея в поселке Предвинске есть юнкоровский пост «БАРАБАНА».

Наш поселок окружен тайгой. Зайдешь в лес и кажется, что попал в волшебный край... Щечбучт птицы, перелетают с

дерева на дерево. Посмотришь вниз — увидишь в траве красную землянику. Спелая, аппетитная. Ну как не сорвать!

А зимой в лесу тихо-тихо. Лишь изредка срывается с веток снег тяжелыми хлопьями, слышно, как стучит дятел...

Наталья Вейраук

Большинство жителей поселка работает в лесу. Уезжают из дома рано, возвращаются поздно вечером. Я тоже не раз ездил в тайгу, видел, как валят лес. Сильные люди нужны на такой работе. И хорошие машины! А потом лес перерабатывают на лесозаводе и отправляют по Енисею во все города страны.

Олег Шарг

Однажды я участвовала в пионерском круизе «Солнышко» по Енисею. Мы проплывали и мимо нашего поселка. Капитан сказал тогда: «По правому борту — Предвинск, самый красивый поселок на Енисее!» Мы, предвинцы, очень гордимся этим. Ведь поселок наш не только красивый, но и передовой. У нас много удар-

ников коммунистического труда, много хороших людей!

Люда Стерликова

Сразу за поселком видны две макушки горы. Одна называется «Пионерская», потому что мы туда ходим за цветами и там всегда проходят финалы «Зарницы».

Слава Дроздов

О НАШИХ ВЗРОСЛЫХ

Как можно не дружить с мамой? Не делиться с ней всем-всем? Говорят, секреты должны быть, свои тайны... А по-моему, от мамы тайн не должно быть. Я всегда советуюсь со своей мамой, и мне от этого только легче жить. Мама в трудную минуту и сама приходит мне на помощь, не успеешь попросить. Она понимает меня с полуслова.

Когда я читала о матери Олега Кошоваго в романе А. Фадеева «Молодая гвардия», мне казалось, что я отрываю для себя еще что-то очень важное: понимаю, какой надо быть, чтобы и мама, родители гордились своими детьми.

Ирина Ароян, школа № 34, Ереван

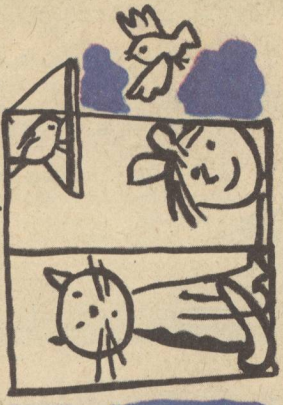
— Мама, — зовет трехлетний Игорь, — иди скорее на кухню... Котлеты заболели, папа им горчичники ставит.

Прислал Олег Шаров из Хабаровска

Четырехлетняя Оля увидела белую курицу. — Смотрите, на курицу снег выпал! *Прислал Игорь Мажутов, поселок Пригородный, Алмаатинская область*

Вашей Навартиге...

Мы живем в квартире, где много соседей. И мне это по душе. У нас вкусы совпадают, все мы одинаково сильно любим животных. Если только перечислить вам обитателей нашего домашнего «зоопарка», вы удивитесь.

У нас живут три собачки, три кошки, сова, сурок, попугай, морская свинка, крыса Нюша, черепаха. В аквариумах — лягушки и рыбки. Вся компания прекрасно уживается друг с другом.

У каждого жильца нашей квартиры есть свой подопечный. Хозяин и приучает животных к порядку, а также кормит их, гуляет с ними.

Я больше всего люблю кота Прохора и могла бы долго рассказывать о его повадках.

Когда к нам принесли сурка, он был очень робкий, никак не хотел выйти из клетки. Однажды осмелел, сделал первую вылазку, зашел в нашу комнату, прихватил по дороге тряпицу, оттащил ее под диван. Сколько мы ни старались отучить его залезать под диван, он упорно забивался туда. Пришлось смириться...

Маша Григорьева, школа № 87, Ленинград

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

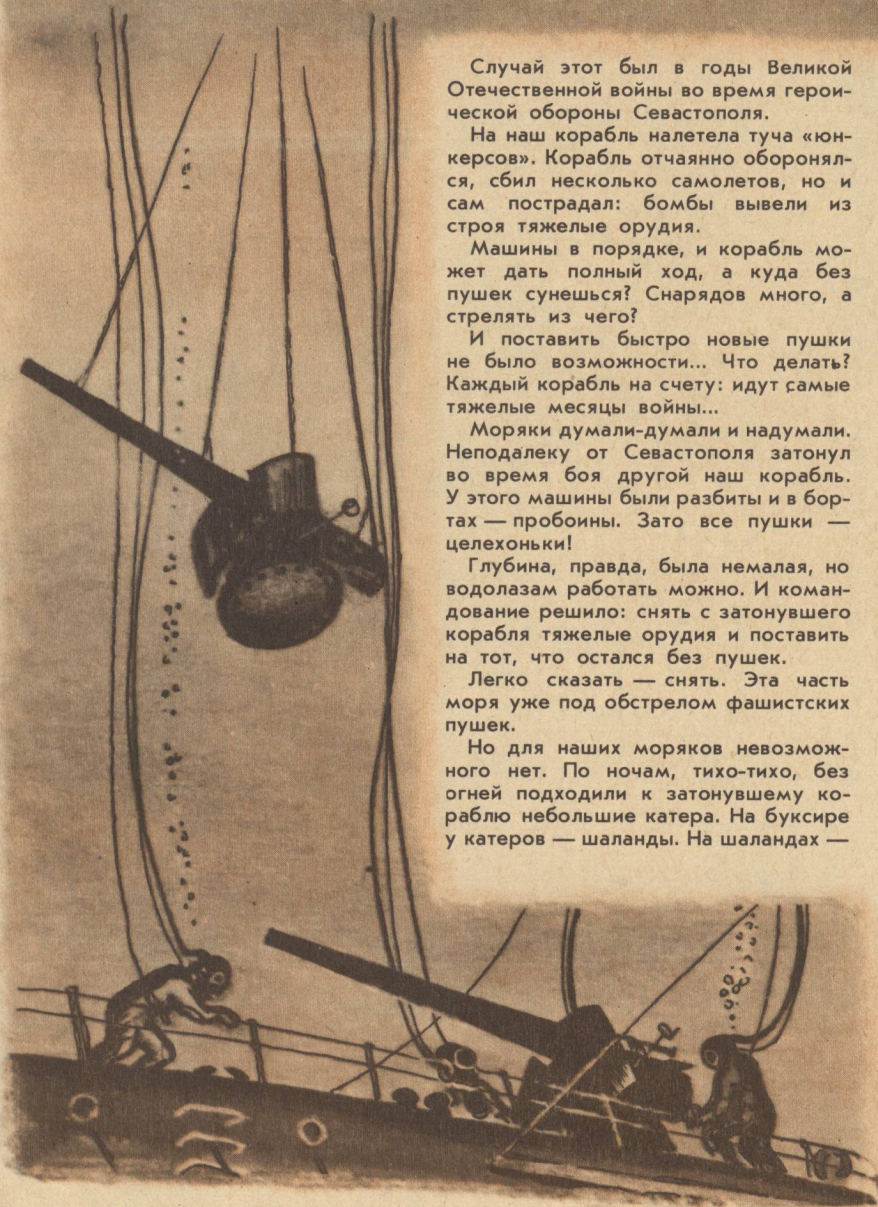

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 25-й

КАК ВОДОЛАЗЫ ПУШКИ СПАСАЛИ

Случай этот был в годы Великой Отечественной войны во время героической обороны Севастополя.

На наш корабль налетела туча «юнкеров». Корабль отчаянно оборонялся, сбил несколько самолетов, но и сам пострадал: бомбы вывели из строя тяжелые орудия.

Машины в порядке, и корабль может дать полный ход, а куда без пушек сунешься? Снарядов много, а стрелять из чего?

И поставить быстро новые пушки не было возможности... Что делать? Каждый корабль на счету: идут самые тяжелые месяцы войны...

Моряки думали-думали и надумали. Неподалеку от Севастополя затонул во время боя другой наш корабль. У этого машины были разбиты и в бортах — пробоины. Зато все пушки — целехоньки!

Глубина, правда, была немалая, но водолазам работать можно. И командование решило: снять с затонувшего корабля тяжелые орудия и поставить на тот, что остался без пушек.

Легко сказать — снять. Эта часть моря уже под обстрелом фашистских пушек.

Но для наших моряков невозможного нет. По ночам, тихо-тихо, без огней подходили к затонувшему кораблю небольшие катера. На буксире у катеров — шаланды. На шаландах —

водолазы и все необходимое для подводных работ. Южные ночи — темные, рассвет наступает быстро и рано. Только опустят водолазов — пора и поднимать... А орудия тяжелые. Их и на суше-то нелегко с корабля снимать, а тут под водой работать надо, на большой глубине, да на палубе сильно накренившейся... Под носом у врага.

Однако работали.

Настала последняя ночь, когда все было готово к подъему пушек. И как назло отказали механизмы лебедки. Руками пушки поднимать не будешь... Споро работают моряки, разобрали механизмы, чинят.

Наконец заработали лебедки.

А до рассвета — полчаса. Одно орудие уложили в шаланду. Другое подняли... Самолет фашистский пролетел на небольшой высоте, заметил водолазов. Эх, еще бы полчаса! Последнюю пушку не подняли — выдернули из воды. Водолазов поднимают. Тут нельзя спешить: быстро поднимешь — водолаз погибнет от кессонной болезни.

И вдруг — первые всплески от снарядов фашистских береговых батарей: заметили-таки наших фашисты. А шаланда не сдвинуться — еще один водолаз на глубине, последний... Водолаз по телефону спрашивает: «Что там у вас? В воде чувствую — обстрел?» — «Есть такое, — говорят ему, — не беспокойся, поднимаем». — «Давайте побыстрее, выдержу...»

Подняли водолаза. Только отошли — это место фашисты залпом накрыли...

Через неделю поднятые пушки громили с корабля фашистские войска.

Мне эту историю рассказал один из тех водолазов, что пушки поднимали. Одна рука у него так и осталась скрюченной от той самой кессонной болезни — потому что его поднимали быстрее других — он и был последним...

О. ОРЛОВ

Во время сильного шторма в Индийском океане с борта советского теплохода «Симферополь» заметили сигналы бедствия. Из последних сил с волнами боролся кипрский рыболовный траулер. Двигатели его вышли из строя, и он стал игрушкой стихии. Советский теплоход взял траулер на буксир и отвел в ближайший порт. Кипрские рыбаки горячо благодарили советских моряков.

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ!

Свободная от вахты команда построена на верхней палубе. Легкий ветерок шевелит синие морские воротники. Машут платками провожающие: «Счастливого пути!» А путь не близкий: из Ленинграда по бурной Ладоге, да по Онежскому озеру, по рекам... Новгород, Лодейное Поле, Вознесенье... Рейс — месяц. Настоящее дальнее плавание!

И судно — настоящий теплоход, а команда — ребята. Плавание для них — экзамен, проверка знаний, умения, физической закалки.

Ребята, которых вы видите на фотографии, из морского клуба «Юнга». Клуб — в Ленинграде, при Дворце пионеров имени Жданова. Пятьсот человек занимается в клубе: штурманы, рулевые, мотористы, сигнальщики.

Когда мы спросили курсанта клуба, что для него в походе самое интересное, Сеня Переплетчиков ответил: «Самое интересное то, что проходишь настоящую морскую практику, проверяешь свою любовь к морю. Жизнь на корабле — трудная, у нас все, как на настоящем судне...»

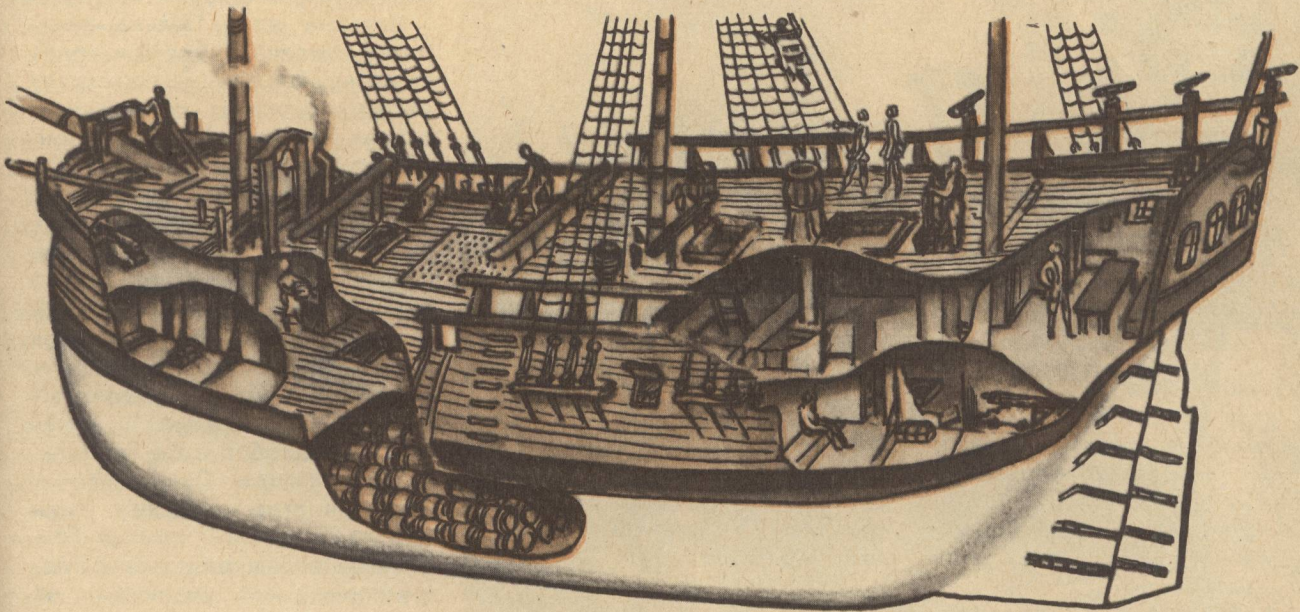

Теплоход к плаванию готов! Команда — тоже!

Многие из ребят, питомцев клуба, получили путевки в жизнь, некоторые стали капитанами дальнего плавания.

Спецкор «Морской газеты» **М. Чайкина**

НОВЫЙ «ИНДЕВОР»...

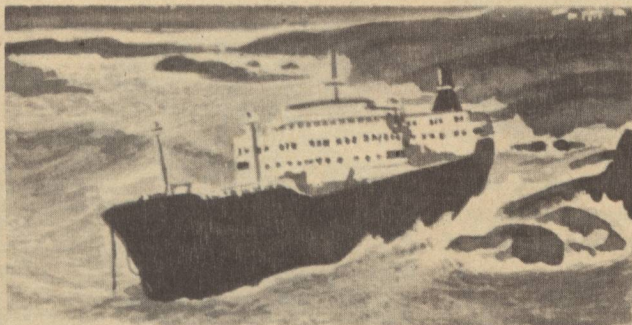
Американский бизнесмен Крейг решил заработать вот на чем.

Он велел построить копию корабля Джеймса Кука и за громадную цену стал продавать богатым туристам билеты на рейс Австралия — Новая Зе-

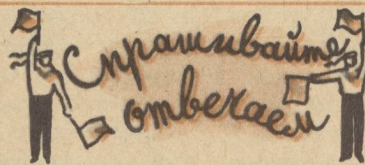
ландия. Охотников до экзотики нашлось много, не нашлось только опытных моряков. Новый «Индевор» — так назывался корабль — разбился на скалах, людей едва спасли. А жаль, что новый «Индевор» разбился: из

него получился бы отличный корабль-музей.

Наш художник нарисовал этот корабль в разрезе, так что видно все внутри...

Огромные океанские волны выбросили это судно на камни у берегов Южной Африки. На снимке: иностранный танкер «Ромелия» в каменном плену.

Поселок наш небольшой. Но у всех ребят есть азбука Морзе, только у каждого своя! Получается какая-то ерунда. Нельзя ли напечатать настоящую азбуку Морзе, чтобы у всех была одинаковая? А то каждый владелец азбуки говорит, что именно его — правильная...

Валя Широв,
Павлодарская область

Да, с разными азбуками Морзе далеко не уплывешь. Мы печатаем одну, правильную.

А	—	Р	—
Б	—	С	—
В	—	Т	—
Г	—	У	—
Д	—	Ф	—
Е	—	Х	—
Ж	—	Ц	—
З	—	Ч	—
И	—	Ш	—
Й	—	Щ	—
К	—	Ъ	—
Л	—	Ы	—
М	—	Ь	—
Н	—	Э	—
О	—	Ю	—
П	—	Я	—

ПЕТЬКИНА РЕКА

Однажды весной Петька Рыштаков увидел бобра и всю его семью на крошечном, поросшем лозняком островке. Их домик пропал: затопило паводком. Глава бобрового семейства выглядел просто несчастным.

У бобров жизнь устроена так, что строительным делом они занимаются только осенью, рассказал Петьке его отец. Он-то и посоветовал выручить бобра — построить новый домик.

В бригаду строителей вошли Володя Яшин, Серега Аниськов и еще один Петька — по фамилии Павлюк. Нашли на болотистом берегу засохший ольховый куст. В его корнях вырыли яму. Покрыли ее толстыми жердочками, очищенными от коры. Потом — тонкими, неочищенными. В ход пошли длинные колья. Из них соорудили вокруг логова галерею. Покрыли ее илом и землей. И снова — слой веток да палок. Их тоже обмазали илом.

Бобер с бобрихой и четверо их детенышей сидели на островке и наблюдали за строительством новой хатки. Они, казалось, готовы были подсказать мальчишкам, как делать комнатки или двери с выходом под воду.

Петин отец, знающий повадки и вкусы животных, уверял, что «бобровая комиссия» обязательно примет жилье.

...Петька давно не был на Припяти. А сегодня вот снова прикатил на своем выдавшем виды велосипеде.

Каштанового цвета бобер, отец семейства, дружелюбно посмотрел на него маленькими черными глазками. Потом исчез. Видать, гудка испугался: вверх по реке шел буксирный теплоход.

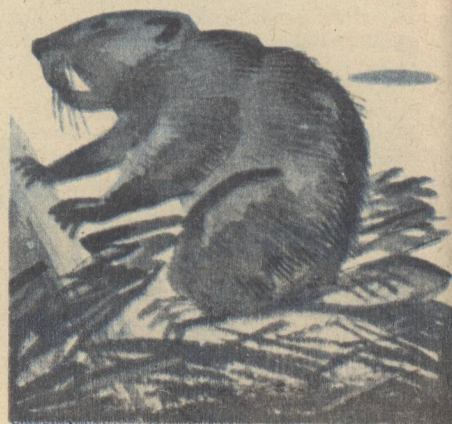
Припять — река как река. Только не говорите об этом Петьке: обидится. И не потому, что она родная ему, эта речка, что петляет неподалеку

от Турова, Петькиного поселка. Прошлым летом парнишка узнал, какая большая, таинственная жизнь у реки. Получилось это так. Весь июль на берегу работала большая группа минских студентов во главе с профессором: комплексная научная экспедиция. Попросился в помощники и Петя.

Ученый-гидролог назвал его надежным постовым и подарил свою книгу о малых реках. Подарок можно было считать одновременно и премией. В самом деле, на водомерном посту Петька проявил себя хорошо: старательно измерял уровень воды. Для этого ему выдали полосатую рейку. Записи вел в толстой тетради под названием «Полевая книжка».

Каждый день Петька аккуратно являлся на берег и делал замеры, хотя в июле стояла несносная жара: солнце уже с утра поднималось раскаленное, точно не успевало остыть за ночь. У одного студента едва не случился солнечный удар. Руководитель экспедиции разрешил Петьке не ходить на пост, пропустить день-другой. Однако речной пост стал для Петьки не только рабочим местом, а и местом заманчивых встреч. После дежурств, вечером, все собирались в палаточном лагере. Петьке полюбились костер на берегу, ужин при таинственных криках бессонных птиц и разговоры профессора с его учениками об особенной жизни незаметных малых речек. Многие Петьке было непонятно, ведь он тогда только перешел в седьмой...

Хорошо, что познакомился

Ключ настройщика

я с Петькой! Он меня на лодке покатал по своей реке.

Если бы мы плыли на моторке, то многого не увидели бы. Да и не услышали. А вот на веслах...

Из травяной гущи дошел до нас крик коростеля, любящего держаться вблизи рек. Пискнула синица, пролетая над самой водой.

...Мы опускаем весла в воду так, чтобы не было слышно: невольно подчиняемся полуденной немоте.

— Некоторые бесстыжие на моторках даже в начале лета гоняют, — шепотом сообщает мне Петька.

Для меня непонятно, почему ставить моторы на лодку в канун июня — дело постыдное. Спросить, что ли, у Петьки?

Скоро четырнадцать ему. А я бы и двенадцати не дал. Но жилистый, сильный. Загребает веслом — мускулы на загорелых руках так и поигрывают.

За новым поворотом реки на тиховодье видим дикую утку.

— У нас уток много, — произносит мальчик. — Они пугаются мотора. А им ведь в июне птенцов выводить надо.

Еще одна утка с громким кряканьем поднялась над камышом. Слово бы дала сигнал: «Очнитесь, птицы и звери!» И все вокруг наполнилось звуками.

За мелиоративным каналом прокричал лось. А может, не лось? Спросить у Петьки.

Нет, мальчик угадывает мои мысли. Оказывается, недавно едва не погибли лосята. Переплывали осушительный канал. В воду вошли, а вылезти не могут: берега слишком крутые. Ладно еще ребята семиклассники были неподалеку. Вытащили лосят.

Недалеко от «лосиной» переправы нас поджидали ребята из колхозного лагеря. Мы этим рейсом доставили им обед. Неподобно отряду ходить туда-сюда: собирает целебные травы. В приречных лугах — настоящая аптека: и зверобой, и душица, и горичвет...

Горячая пора — лето!

В. МОРОЗОВ

Рисунки М. Агалакова

Здесь совсем тихо после шумных цехов, где висит в воздухе тонкой пеленой вкусно пахнущая древесная пыль и оседает в сугробы пушистых белых опилок. Только из отдельных кабинок раздаются приглушенные нестройные звуки рояля. Притулившись друг к другу, стоят в ожидании своей очереди на настройку пианино. Это участок настрой-

ки и интонировки фабрики музыкальных инструментов «Красный Октябрь».

Только что на моих глазах появлялись из отдельных дощечек, винтиков, болтиков, деревянных деталей, кусков проволоки — дека рояля, корпус, струны, молоточки. А вот теперь передо мной уже готовые инструменты в собранном виде. И каких только нет. И рояли

черные, и рояли белые, и рояли концертные, и рояли кабинетные, и пианино «под орех», и пианино «под дуб», и пианино «под старину» с подсвечниками и в завитушках.

Казалось бы — все, дело сделано. Упаковывай и грузи в фургоны, прикатившие из разных городов. Но на самом деле именно сейчас и должно произойти главное таинство: громоздкие и несколько неуклюжие ящики превратятся в музыкальные инструменты.

Медленно открывается тяжелая звукоизолирующая дверь одной из кабинок и оттуда выкатывается на металлических колесиках рояль. Вслед за ним входит невысокий темноволосый человек — интонатор Григорий Михайлович Хачернов.

— Кто у нас следующий? — говорит Григорий Михайлович, улыбаясь. И в кабину вталкивают очередного «пациента» — рояль «миньон».

Григорий Михайлович открывает крышку, бегло пробегает пальцами по клавишам, а я зазывает уши — до чего же не красивые, нестройные звуки. Вот вам и готовый музыкальный инструмент!

— Не нравится? — смеется мастер. — Сейчас мы его будем учить уму-разуму.

Он ударяет легонько по камертону и берет первую ноту — «ля». С этого момента Григорий Михайлович словно забывает обо всем на свете. Лицо его становится серьезным, сосредоточенным. Он весь обращен в слух. Настройщик склоняется над инструментом, осторожно подкручивает струну, снова нажимает на клавишу, и вот уже нота звучит в унисон с камертоном. Дальше настройка идет только на слух. Все это похоже на сказку, в которой добрый волшебник оживляет камни прикосновением своей волшебной палочки. Только волшебной палочкой в этом случае служит настроенный ключ.

Но наконец настройка закончена. Григорий Михайлович садится за рояль и играет какую-то приятную мелодию.

— Ну вот, теперь совсем другое дело, — говорю я.

— Э-э-э нет, — Григорий Михайлович качает головой. — Это не конец, а лишь начало. Теперь надо дать роялю «отстояться», потом будет вторая настройка, за ней третья, четвертая.

— Зачем же так много? — недоумеваю я.

— После настройки струны, как правило, вытягиваются. Струна ведь, знаете, существо строптивое. Она всегда противится натяжению. Ты ее натягиваешь, а она стремится сжаться. В результате рояль надо снова настраивать, и так несколько раз, пока струна «не смирится» со своим положением.

Смотреть, как работает Григорий Михайлович — одно удовольствие. Рояль для него — нечто одушевленное. Как нет на свете двух одинаковых людей, говорит Григорий Михайлович, так нет и одинаково звучащих инструментов. У каждого свой характер. У одних — строптивый, у других — покладистый. Рояль, как и человека, надо понять, почувствовать, только тогда и можно стать настоящим настройщиком.

— Следующий! — кричит Григорий Михайлович, выкатывая из кабинки настроенный рояль.

Следующим был большой концертный рояль «Россия».

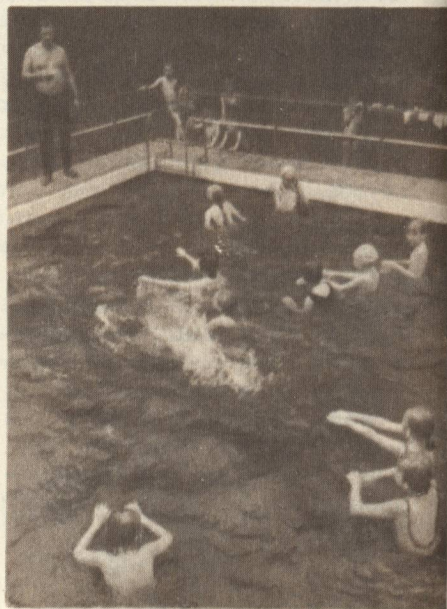
— Этот инструмент уже прошел все четыре стадии настройки, — говорит мастер. — Теперь его надо интонировать, то есть придать тембральную окраску. Вот послушайте, — Григорий Михайлович нажимает на клавишу, — видите, струна звучит нечетко, размыто. Сейчас мы пропитаем молоточек лаковым составом, и звук будет жестче. А здесь — слышите? — все наоборот: звук «металлический», с «холодком». — Он наклоняется и рыхлит молоточек иголкой. — Ну, а теперь?

И я слышу, как звучание становится мягким, бархатистым.

Фото А. Паулаускаса

Здравствуй, пионерское лето!

Волга — рядом. Загорать и купаться в жаркий день — только здесь. А если дождь? На случай капризной погоды ребята застрахованы: в лагере есть свой бассейн.

«Сильнее, выше, быстрее!» Готовимся к следующим Олимпийским играм.

На самом берегу Волги, в нескольких километрах от Костромы, есть деревня Козловы Горы.

Сотни шумливых, беспокойных ребячьих летних лагерей облепили просторные берега реки, а пионерский лагерь имени Максима Горького — один из лучших в Костромской области.

Новые флажки на карте СССР. За время первой смены ребята хотят завершить свое заочное путешествие по соседним с Костромской областям.

Торжественное открытие пионерлагеря.

Ромашка — очень ценное лекарственное растение. И собирать ее надо умеючи.

Фото и текст Г. РАЗУМОВА

Подружились в лагере.

Это случилось ранним солнечным утром. Ребята куда-то разбежались, и лишь Волька Зайцев остался дочитывать интересную книгу. Вдруг распахивается дверь, и появляется Олег Кашкин. Глянул он на Вольку и руками взмахнул:

— Вы только гляньте на него! Сидит и читает книгу!

— А что случилось? — поднял голову Волька.

— Как это, что? Да знаешь ли ты, что завхоз Захар Петрович по всем комнатам ходит?

— Ну и что?

— Эх, ты! Сразу видно, первый год в лагере! Если завхоз по комнатам ходит, значит, ему рабочая сила требуется. Дорожки, скажем, подмести, травку покосить, и все такое прочее...

— Что же прикажете делать? Под койку залезть?

— Зачем же под койку? Ляг на койку, притворись больным, и полный порядок!

— Нет уж, спасибо! Не мастер я притворяться.

— Ну, как знаешь! Я тебя предупредил... Т-сс! — прислушался Олег. — Я слышу шаги! Это Захар Петрович...

Олег быстро намотал полотенце себе на горло и, как был одетым, шмыгнул в постель, прямо под одеяло.

И действительно, в комнату вошел завхоз:

— Добрый день, ребятки!

— Добрый день! — ответил Волька.
— Кому добрый, а кому и не очень, — еле слышно прохрипел Олег.

— Что это с тобой? — забеспокоился завхоз.

— Ох, не спрашивайте. В глазах темно.

Глянул завхоз, а из-под одеяла кеды торчат.

— И давно это у тебя?

— Второй день!

— Понятно... Видно, простыл... А у тебя как со здоровьем? — обратился Захар Петрович к Вольке.

— Спасибо, не жалуюсь.

— Вот и хорошо. Хотел я Олега взять с собой, но коль он болен, поедешь ты.

— А куда это мы поедем? — спросил Волька.

— К шефам. Поедем на катере. Два часа по реке.

Как услышал это Олег, вскочил с постели, сорвал с себя полотенце:

— А меня почему не берете? Что я хуже других?

— Хуже — не хуже, а раз болен, нужно лежать.

— А у меня уже все прошло.

— Нет, нет! Не будем рисковать, — твердо сказал завхоз.

Кто из вас не знает эту веселую игру «Неисправный телефон»? Один сказал, другой не слышал, третий что-то перепутал, четвертый до-

бавил, пока к пятому дошло, уже и не узнать, что сказал первый.

Не знаю, как там в других местах, а в нашем лагере это случается часто.

Как-то выскочил из штаба дежурный мальчишка и крикнул, что есть силы, туда, в даль:

— Эй, кто там есть в первом отряде?

— Я тут есть! — ответил ему издали пионер из первого отряда.

— Передай: если на месте Гитаров, пусть сейчас же явится к старшему вожатому! Ты все понял?

— А как же! Конечно, понял! — ответил пионер и давай кричать дальше, по эстафете:

— Эй, кто там есть во втором отряде? Передайте всем, у кого есть гитары, пусть сейчас же идут к старшему вожатому!

Как услышала это известие Таня, из третьего отряда, тут же побежала к своей подружке Мане, из четвертого отряда:

— Слыхала?

— Нет, а что?

— Старший вожатый собирает всех, у кого есть

гитары! Видно, на фестиваль поедут. У тебя есть гитара?

— Нет, а у тебя?

— И у меня нет.

— Что же делать?

Побежали к телефону:

— Алло! Мамочка, это я, Таня! Мамочка, мне срочно нужна гитара! Да, да, самая настоящая! Где хочешь, там и достань! У нас на этот счет строго: если нет гитары, могут из лагеря выписать! Нет, мамочка, нет! Это у меня не солнечный удар, и совсем я не сошла с ума!..

Услышал последнюю фразу Вася Сухов и тут же побежал к своему другу Грише:

— Слыхал?

— Нет, а что?

— У девочки Тани из третьего отряда солнечный удар!

— Ну???

— Вот тебе и ну!

— Тогда я к доктору побежал, а ты к начальнику лагеря!..

И побежали...

Петя Быстриков проводил своих родителей к поезду, и пришлось ему возвращаться в лагерь поздно вечером в темноте через бор.

Половину пути уже прошел, как вдруг резкий крик:

— Сто-о-о-й!

Что делать? Остановиться или бежать? Нет, решает Петя, лучше бежать! И побежал! Бежит быстро, бежит, можно сказать, с предельной скоростью... А крик все ближе:

— Стой! Стой, тебе говорят!

Ну, нет! Дудки! Петю так просто не догонишь. Уж что-что, а бегать он мастер. Впереди река, справа обрыв, слева какой-то забор... Куда это он забежал? Кричать бесполезно. В этом тупике хоть до утра ори, никто не услышит...

Запыхавшись, подбежал неизвестный. И приказывает:

— А ну-ка, снимай куртку!

— Это зачем?

— Так надо!

— Раз надо, — Петя разделся, — пожалуйста... А неизвестный тут же прижался ухом к Петиней груди.

— А теперь дыши!

— Что?!

— Дыши, говорю!

Петя задышал громко и глубоко.

— Молодец! — сказал неизвестный. — И бегаешь хорошо, и дыхание отличное! Из какого отряда?

— С четвертого.

— Фамилия?

— Быстриков моя фамилия...

— Все, Быстриков, решено! Будешь завтра бежать от нашего лагеря в эстафете четыре по сто! Сбор к девяти ноль-ноль у центрального входа. Запомнил?

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Сегодня мы познакомимся с Войсками противовоздушной обороны, их организацией и историей.

Создание войск ПВО было вызвано стремительным развитием авиации. Уже в Первую мировую войну возникла необходимость защиты от ударов с воздуха. В годы Великой Оте-

чественной войны средства ПВО считались надежными, если они сбивали 15 самолетов противника из 100. Понятно, что теперь такое положение не может быть удовлетворительным. Ведь даже один прорвавшийся самолет с ядерным оружием способен нанести громадный урон. Поэтому перед

войсками ПВО поставлена задача сбивать 100 из 100 самолетов противника.

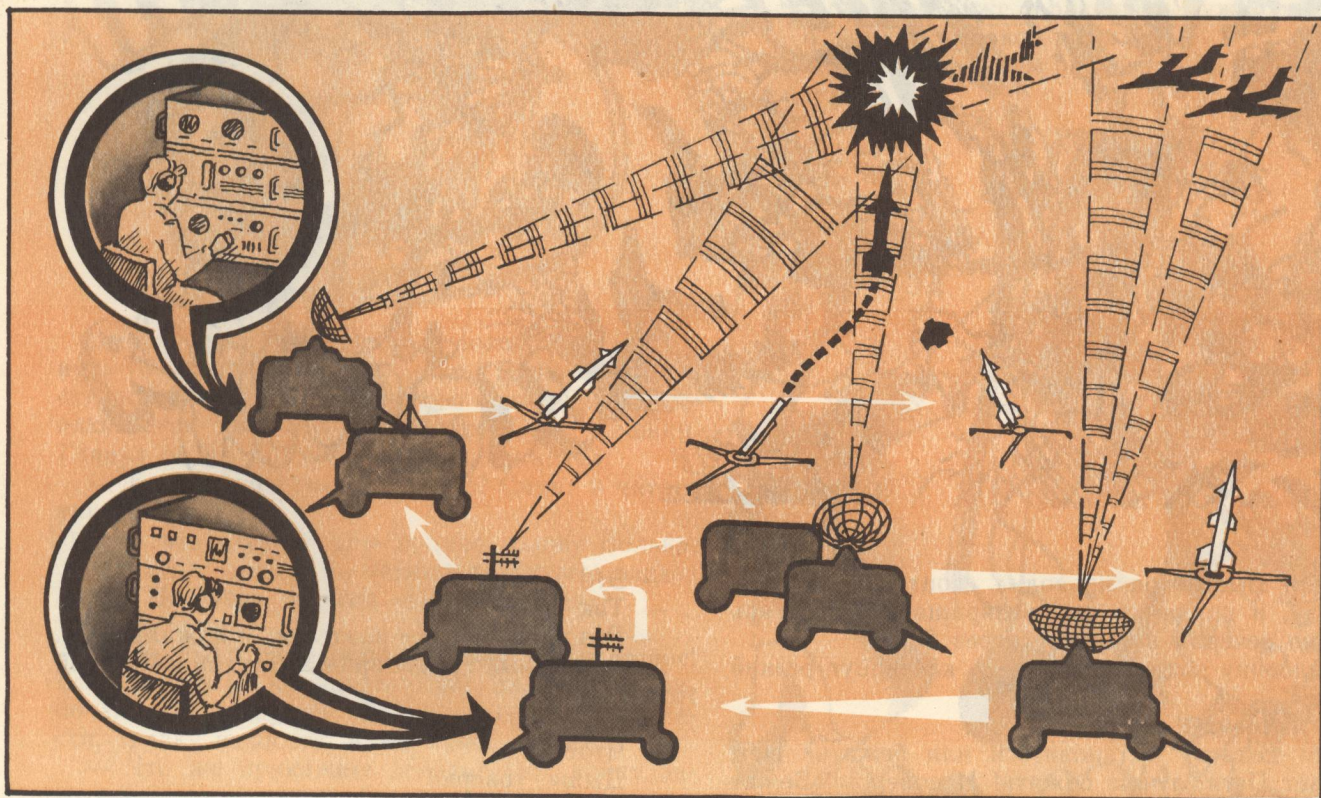
Для успешного выполнения этой задачи войска имеют точные и надежные ракеты, сверхзвуковые истребители-перехватчики и самую совершенную радиоэлектронную технику.

ЗЕНИТНО-РАКЕТНЫЙ КОМПЛЕКС

В зенитно-ракетный комплекс входят: ракетные установки, системы обнаружения, опознавания и выбора цели, пуска и наведения ракеты на цель.

Как работает ЗРК? Вначале радиолокационная станция определяет высоту, направление и скорость полета воздушных целей. Затем станция опозна-

вания «свой-чужой» выясняет их принадлежность, выбирает наиболее важную для уничтожения цель и «передает» ее ракетчикам.

ИЗ ВИНТОВКИ ПО САМОЛЕТУ

Вот какой случай из истории Великой Отечественной войны рассказывает в своих мемуарах полковник А. Б. Немчинский: «Служил у нас в батальоне один очень старательный солдат — ефрейтор Блохин. Все, что он делал, делал на совесть, не спеша...

Однажды Блохин со своим отделением устанавливал мины у дороги, когда над бойцами появился немецкий самолет, а от самолета отделилось и стало распадаться белое облако листовок.

— Чудо, и только! Лето в разгаре, а будто снег идет... — ни к кому не обращаясь заметил Блохин. А когда самолет с крестами проходил совсем низко, вскинул карабин и выстрелил.

«Может, попаду, чем черт не шутит!» — подумал он и снова принялся за работу. И надо же было так случиться! Немецкий самолет, окутанный дымом, врезался в землю как раз у позиций зенитной батареи. А через три дня оторопевшему ефрейтору Блохину вручили орден Отечественной войны 2-й степени...»

Выходит, что и одной пулей можно сбить самолет.

ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ

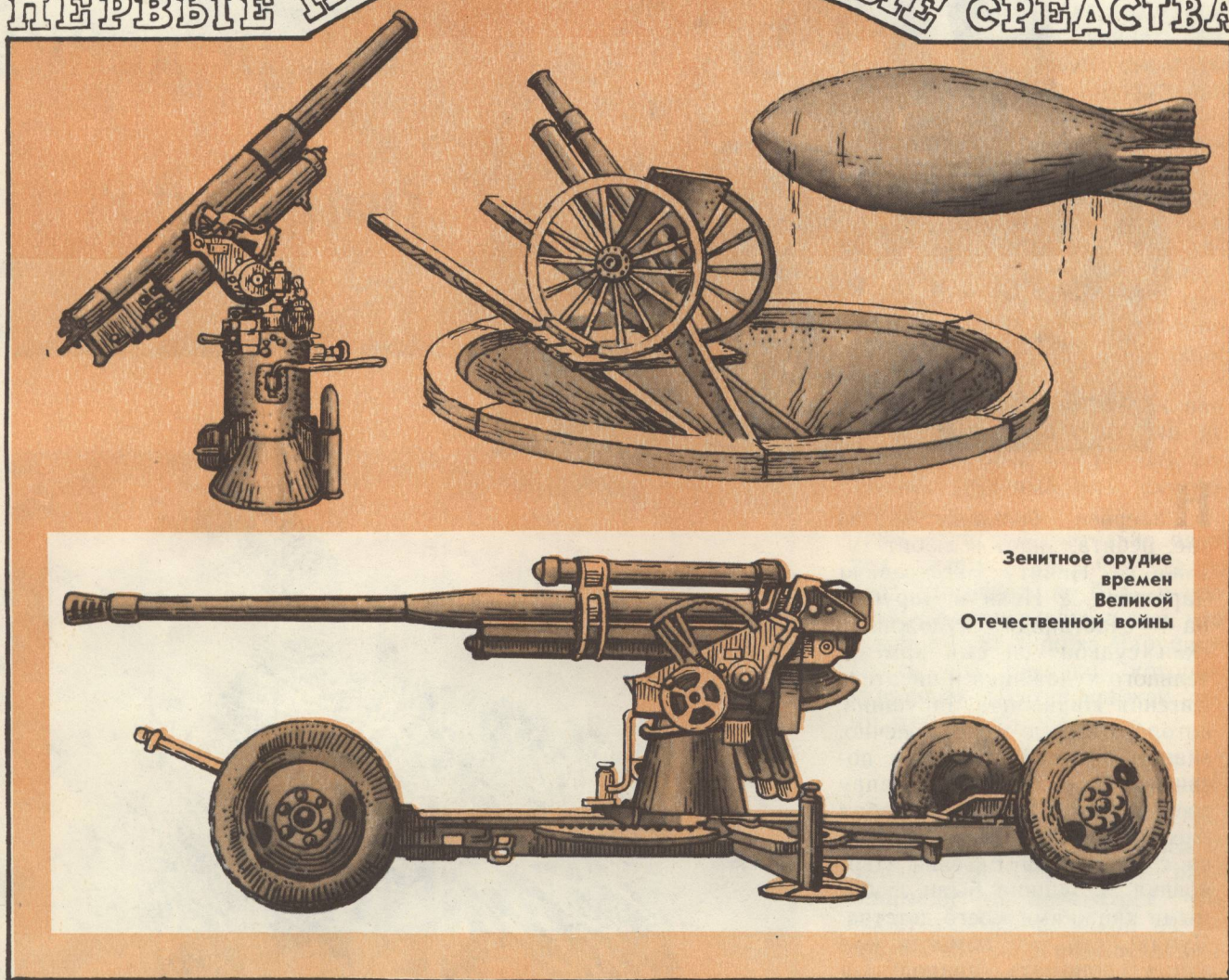
СЕРЖАНТ — происходит от латинского слова *serviens* — служащий. Часто это слово относилось к военным людям. Как воинское звание впервые установлено во Франции, затем в Германии. В русской армии это звание было введено Петром I. Позднее, в 1789 году, его упразднили. В Советской Армии звание сержант существует с 1940 года.

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ РАССТОЯНИЕ НА СЛУХ

В одном из выпусков Школы будущих командиров мы рассказывали о том, как можно определить расстояние на глаз. А вот с каких примерно расстояний можно услышать некоторые звуки:

негромкий разговор, кашель	100 м
громкий крик, удары лопаты о камни	1000 м
шум движения автомобиля по шоссе	1000 м
автомобильные гудки	2—3 км
шум мотора самолета в ясную морозную ночь	до 40 км

ПЕРВЫЕ ПРОТИВОВОЗДУШНЫЕ СРЕДСТВА

Зенитное орудие
времен
Великой
Отечественной войны

Вначале для борьбы с авиацией противника пытались использовать обычные полевые орудия. Их устанавливали на самодельные поворотные подставки, а иногда и просто на откосы воронок. Однако низкая скорострельность этих орудий и медлительность наводки быстро привели к идее создания специальных орудий для борьбы с воздушными (зенитными) целя-

ми. В 1915 году русские инженеры Лендер и Тарновский создали первое зенитное орудие. Оно имело полуавтоматический затвор и устанавливалось на специальной тумбе. Стреляло такое орудие шрапнелью. Для борьбы с самолетами начинают применять аэростаты воздушного заграждения, зенитные прожектора. Появляются и самолеты-истребители.

8 апреля 1918 года в рядах Красной Армии появилась новая боевая единица — Путиловский стальной артиллерийский дивизион. В него входили две железнодорожные зенитные, две автомобильные зенитные и одна полевая батареи.

Так родились советские Войска противовоздушной обороны.

Рисунки А. Голованова

ОНИ РИСУЮТ ДЛЯ ВАС

ЖИВЫЕ

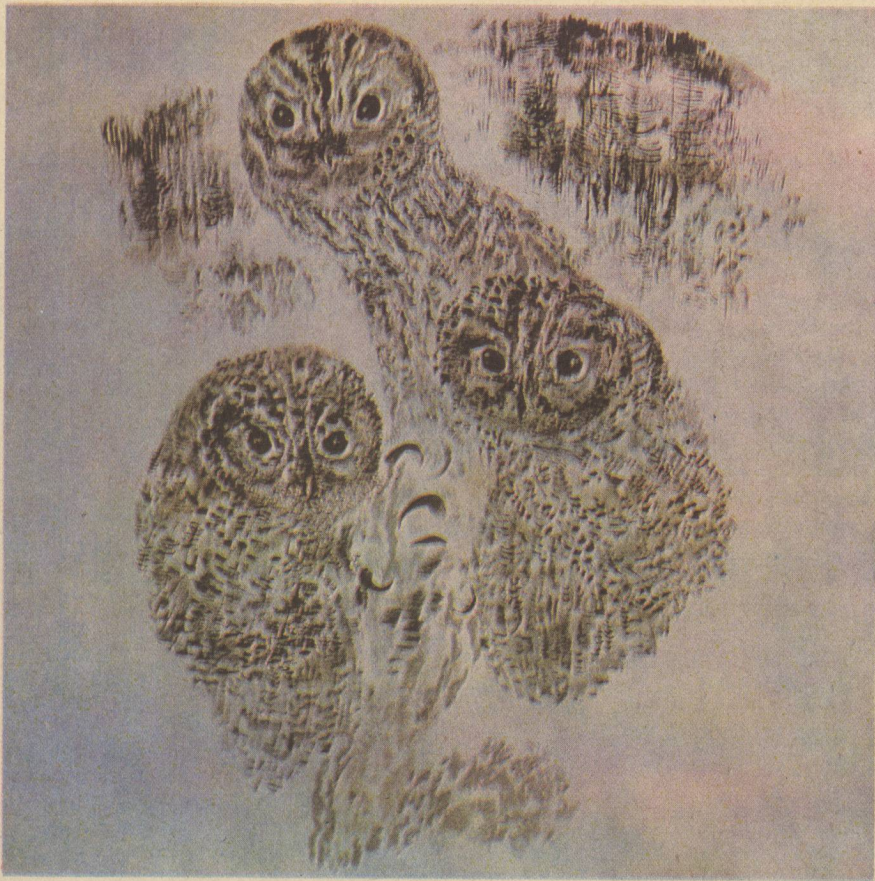
НАБЛЮДЕНИЯ

ПРИРОДЫ

Наверное, большинство из вас, ребята, знает и любит художника Никиту Евгеньевича Чарушина. У Никиты Чарушина — счастливая художническая судьба: он сын замечательного художника и писателя Евгения Ивановича Чарушина, которого вы все тоже, конечно, знаете. Евгений Иванович посвятил свое творчество миру зверей и птиц, особенно любил рисовать их детенышей. Книжки с рисунками Евгения Ивановича Чарушина были любимыми книжками моего детства. Думаю, что они помогли мне лучше понимать природу, и жизнь моя стала интересней.

Волчата, лисята, разные пичуги всегда жили в чарушинском доме и были друзьями маленького Никиты. Став постарше, Никита ходил с отцом на охоту и просто так в дальние прогулки по лесам и полям. Во время этих прогулок учился видеть красоту, находить интересное не только в ясные сол-

нечные дни, но и в дождливой осенней непогоде, среди скромных болотных кочек. А встречи с дикими зверями и птицами, даже мгновенные, запомнились на всю жизнь. Никита в эти годы, следуя примеру отца, рисовал то, что видел и любил.

Рисовать он начал рано, совсем еще маленьким мальчиком. Потом учился в Академии художеств, окончив Академию, продолжал учиться у других художников и, конечно, в первую очередь, у своего отца.

Говорят — лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать. Рисунки в книгах, журналах позволяют увидеть то, о чем рассказывает писатель. Мир, в котором живут герои книги, обретает в иллюстрациях зримые черты, становится как бы материальным. Но, рассматривая рисунки, кроме сюжета, можно многое узнать и о самом художнике, о его характере, склонностях и привязанностях. Внимательный зритель, как опытный следопыт, по разным, порою едва заметным признакам, может угадать — добрый человек художник или не совсем, искренний или не вполне, смелый или робкий, веселый, грустный или скучноватый.

Но если действительно один раз увидеть лучше, чем десять раз услышать, не буду и пытаться рассказывать о том, что и как рисует Никита Чарушин. Пусть его рисунки, которые украшают десятки книжек, сами говорят за себя.

По этим рисункам можно познакомиться и подружиться с Чарушиным. Попробуйте, разглядывая их, догадаться, что любит художник, какой он — добрый или злой, внимательный или безразличный, работяга или лентяй. Обо всем этом и о многом другом могут рассказать рисунки и, думаю, вы не ошибетесь в своих догадках. А познакомившись, подружившись с Чарушиным, научитесь лучше понимать природу и жить вам станет еще интереснее.

М. МИТУРИЧ

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

ГЛАВНЫЙ ПРИЗ

Наш праздник начался с парада. Яркое светило солнце, гремели спортивные марши, и все мы — от мала до велика — отправились на стадион.

И вот судьи вызывают на старт спортсменов.

В прыжковых секторах самые юные — третий отряд. Три заступа — и в слезы. И тут же обнимают первого чемпиона лагеря по прыжкам в длину Сашу Икко.

Трудно пришлось главному судье Марине Ивановой. Ведь она была еще и участником соревнований. Но Марина оказалась молодецом: идеальное судейство и первое место среди девочек старшего возраста...

А потом победителям были вручены значки и удостоверения Всесоюзного спортивного клуба, подарки с автографами олимпийского чемпиона и президента «Кузнечика» Юрия Тармака. Все подумали, что праздник на этом закончился.

И вдруг ко всеобщему удивлению на стадионе появилась повар Нина Петровна. Она несла огромный сладкий пирог. Это и был главный приз для «кузнечиков».

Победители оказались благородными — решили разделить пирог на всех. Каждому досталось по небольшому кусочку, зато как было сладко!

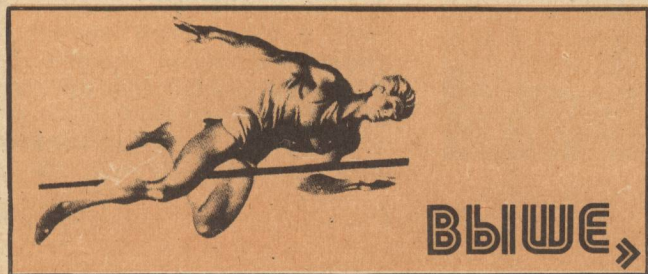
А. ЯКОВЛЕВ,
пионерский лагерь
«Атмосфера»,
Ленинградская область

*Здравствуй,
„Кузнечик“!*

Летом мы почти каждый день ездим за город. Рано утром садимся на автобус и едем до деревни Скраглевка. Там по лесной тропинке Анатолий Семенович ведет нас на речку, где мы купаемся и играем в разные игры. А потом слушаем его рассказы о знаменитых спортсменах.

Когда я вырасту, я очень хочу стать детским тренером, и чтобы меня мальчишки и девочки любили, как Анатолия Семеновича.

Света Самотес,
4 «в» класс,
школа № 15,
Бердичев

У нас в пионерском лагере проводились малые олимпийские игры. Они проводились под девизом: «От значка ГТО — к олимпийской медали». Многие ребята стали в лагере значкистами ГТО. Это наши первые спортивные награды.

Игорь Петров,
пионерский лагерь «Огонек»,
Хабаровский край

Никогда не забуду, как я летела на Всесоюзные соревнования «Кузнечика». В самолете я все время смотрела в окно и удивлялась: «Какая большая наша страна!» Когда летели над Байкало-Амурской магистралью, я мысленно говорила: «Здравствуй, БАМ!» Когда пролетали над Уралом, — «Здравствуй, Урал!» И так — до самого Ленинграда. Под крылом самолета промелькнули сотни городов и поселков. И с каждым мне хотелось поздороваться и пожелать его жителям всего самого хорошего.

Оксана Бастрыкина,
7-й класс,
школа № 2,
Николаевск-на-Амуре

Рядом с нашим домом находится стадион «Металлург». И когда я был маленьким, папа водил меня смотреть соревнования. Мне нравилось смотреть, как спортсмены легко преодолевают барьеры, ловко прыгают в длину и высоту. И тогда я решил тоже стать спортсменом. Сперва я тренировался самостоя-

тельно, а в четвертом классе записался в школьную секцию легкой атлетики. Я уже участвовал во многих городских и областных соревнованиях. И теперь могу сказать точно: в какой мере мы преданы спорту, в такой же мере он вознаграждает нас силой, ловкостью и успехами.

Олег Яковлев,
город Новотроицк
Оренбургской области

РАЗРЕШИТЕ ЗАДАТЬ ВОПРОС

— В высоту я начала прыгать еще в шестом классе. Сначала — «ножницами», а затем наш тренер показал новый способ — «фосбери-флоп». Этот способ мне понравился. И сейчас я уже прыгаю на 135 см и хотела бы записаться в ваш спортклуб. Но не знаю: возьмут ли меня? Ведь я еще хожу в музыкальную школу, где учусь играть на скрипке.

Лина Лохман,
город Кролевец
Сумской области

На вопрос Лины отвечает Президент спортклуба «Кузнечик», заслуженный мастер спорта, олимпийский чемпион Юрий Тармак:

— Возьмем, обязательно возьмем, Лина. Это даже хорошо, что ты учишься играть на скрипке. Спортсмен должен быть разносторонним человеком. Олимпийский чемпион по тяжелой атлетике Юрий Власов, кроме

спорта, занимался литературным творчеством. И сейчас — известный писатель. Другой олимпийский чемпион гребец Юрий Тюкалов с детства увлекался живописью и стал настоящим художником. Этот список я бы мог продолжать и дальше, но думаю, что ты уже все поняла.

Желаю тебе больших успехов в спорте и музыке!

НАШИ НОВОСТИ

Решением Совета СК «Кузнечик» смотр-конкурс на лучшую школьную команду по прыжкам в длину или высоту и команду бегунов на 60 метров ПРОДЛЕВАЕТСЯ до 20 мая 1982 года

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В № 11 за прошлый год был опубликован

очерк «Закрытая дверь». В нем рассказывалось о мальчике Саше, чемпионе одной из школ, который по решению совета дружины был выведен из сборной школьной команды.

Его фамилию, школу и город, где он живет, мы специально не называли.

Судьба юного чемпиона взволновала многих наших читателей. В ответ на публикацию мы получили большое количество писем и все эти письма передали «герою» очерка.

А сегодня с радостью сообщаем: Саша нашел в себе мужество признать и исправить свои ошибки. Товарищи ему поверили, он был снова включен в команду и успешно выступил в Ленинграде на Вторых всесоюзных соревнованиях «Кузнечика».

И, значит, разговор на эту тему можно считать законченным.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ № 1

для юных прыгунов в длину

Начертите точно такую же таблицу, заполните ее и срочно пришлите тренерам СК «Кузнечик».

Цель задания — научить юных спортсменов правильно оценивать уровень своей физической подготовленности.

Ответ на задание № 1 будет дан в течение месяца.

Фамилия, имя Домашний адрес Возраст	РЕЗУЛЬТАТ
КОНТРОЛЬНЫЕ ИСПЫТАНИЯ	
Прыжок в длину с разбега (см)	
Бег на 20 м с хода (сек)	
Прыжок вверх с места (см)	
Прыжок в длину с места (см)	
Тройной прыжок с места (см)	
Росто-весовой индекс*	

* Росто-весовой индекс определяется по формуле:

$$I = P - 100 - B,$$

где P — рост, а B — вес. Следовательно, если у спортсмена P — 150 см, а B — 40 кг, его росто-весовой индекс равен 10 (150—100—40=10)

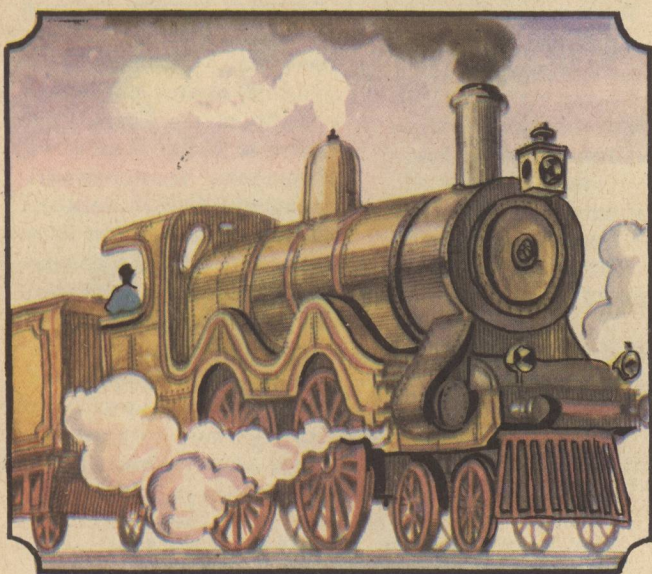
КАК ЧЕЛОВЕК ПОЕХАЛ ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

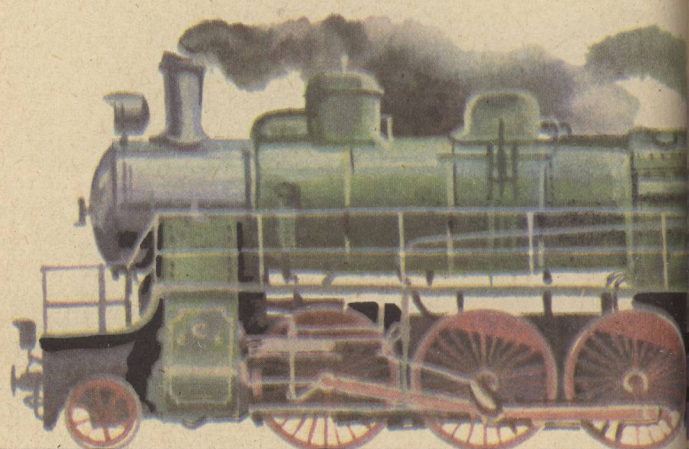
1. 1825 год. «Передвижение» — один из паровозов английского изобретателя Джорджа Стефенсона.

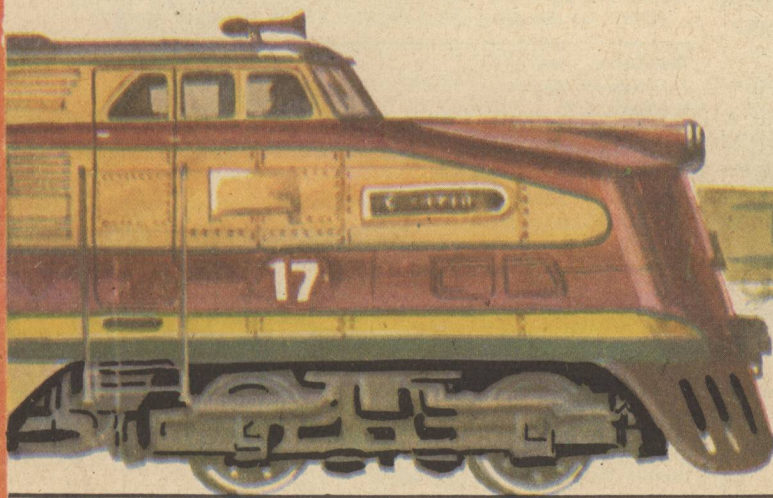
2. Первый в России паровоз, испытанный в 1833—34 годах Е. А. и М. Е. Черепановыми.

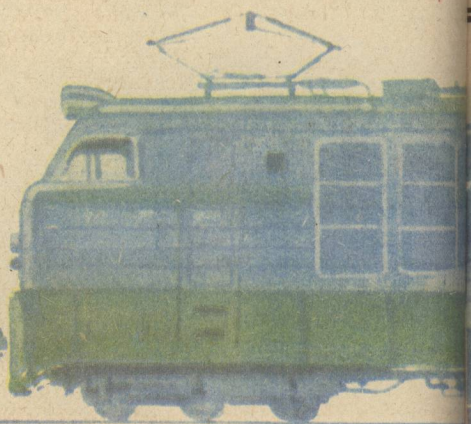
5. Такие паровозы ходили по железным дорогам в начале XX века.

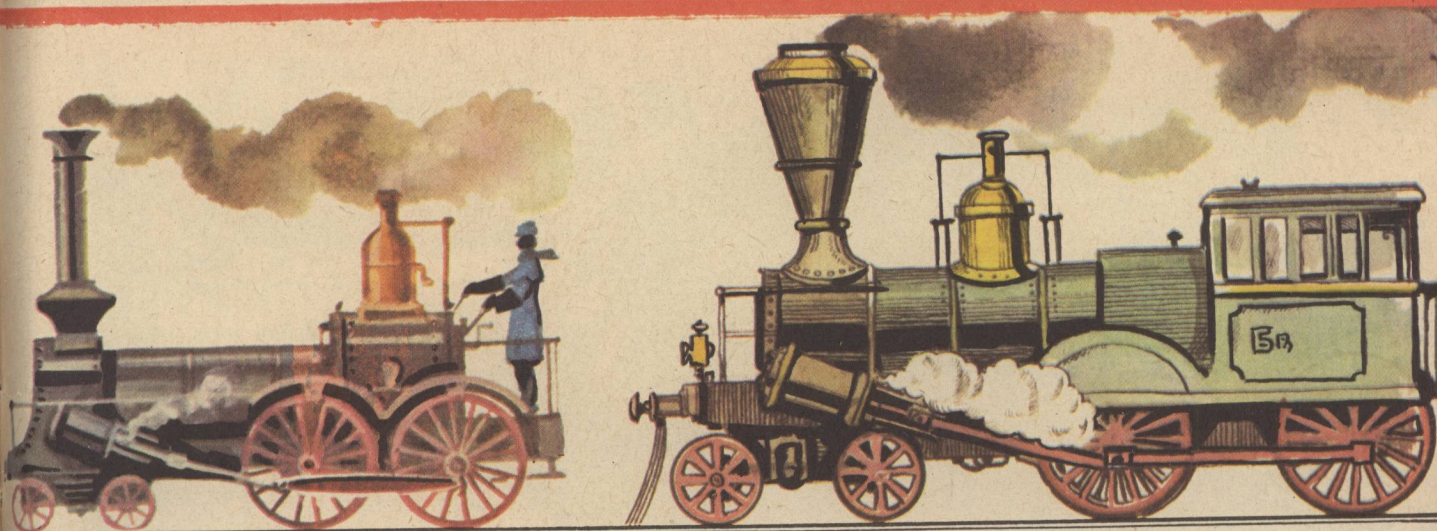
6. Универсальный паровоз «С» 1913 года мог водить пассажирские, почтовые и курьерские поезда.

Рисунки Н. Андреева

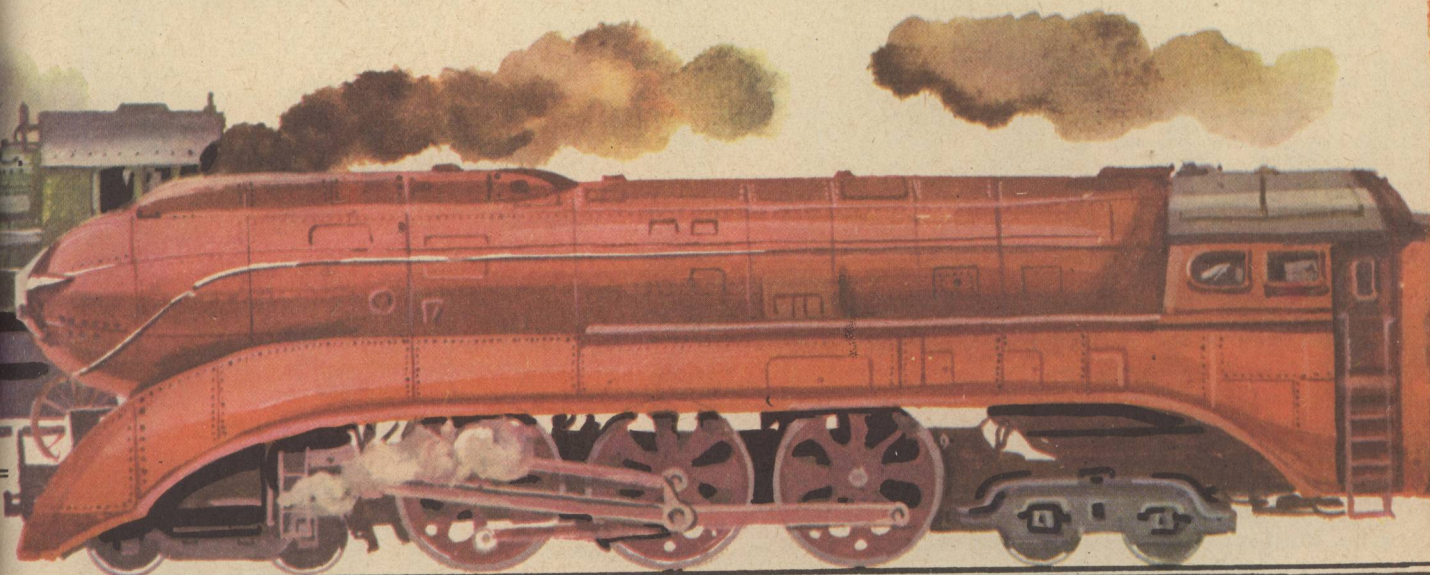

8. Паровозы на железных дорогах развитых стран теперь редкость. Их заменили тепловозы и электровозы.

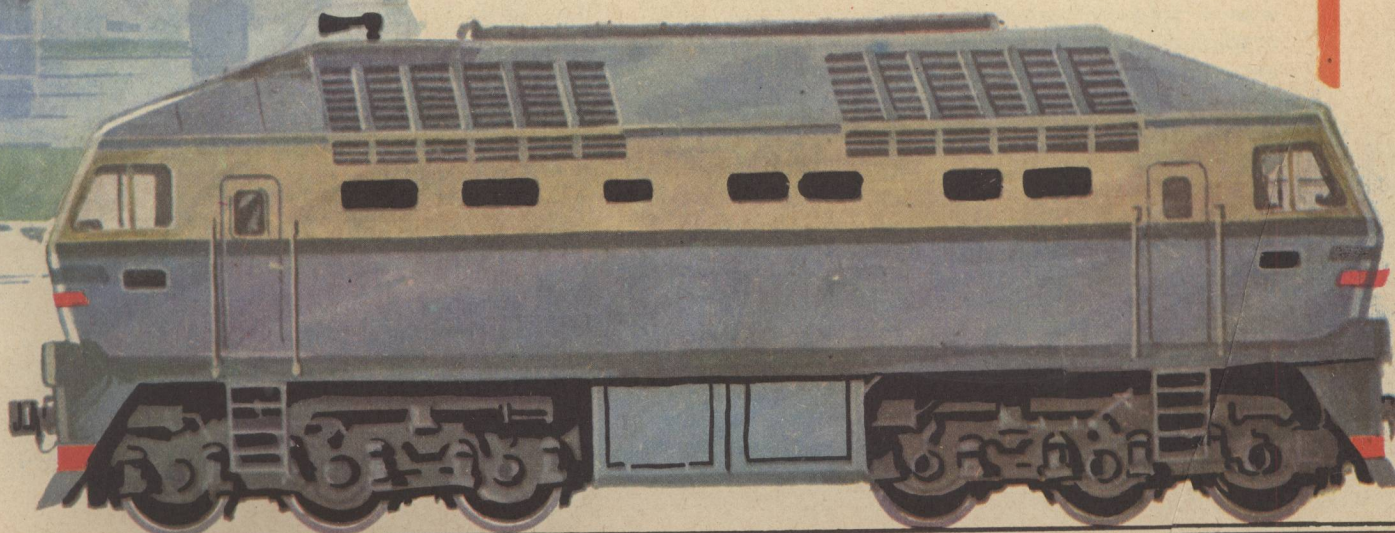

3. Отечественный пассажирский паровоз, построенный в 1845 году для магистрали Петербург — Москва.

4. Пассажирский паровоз 1863 года — первый русский паровоз с крытой кабиной для машиниста.

7. Мощные курьерские паровозы строились в нашей стране в конце 30-х годов. Скорость паровоза достигала 180 км/час.

Покша

РАССКАЗ

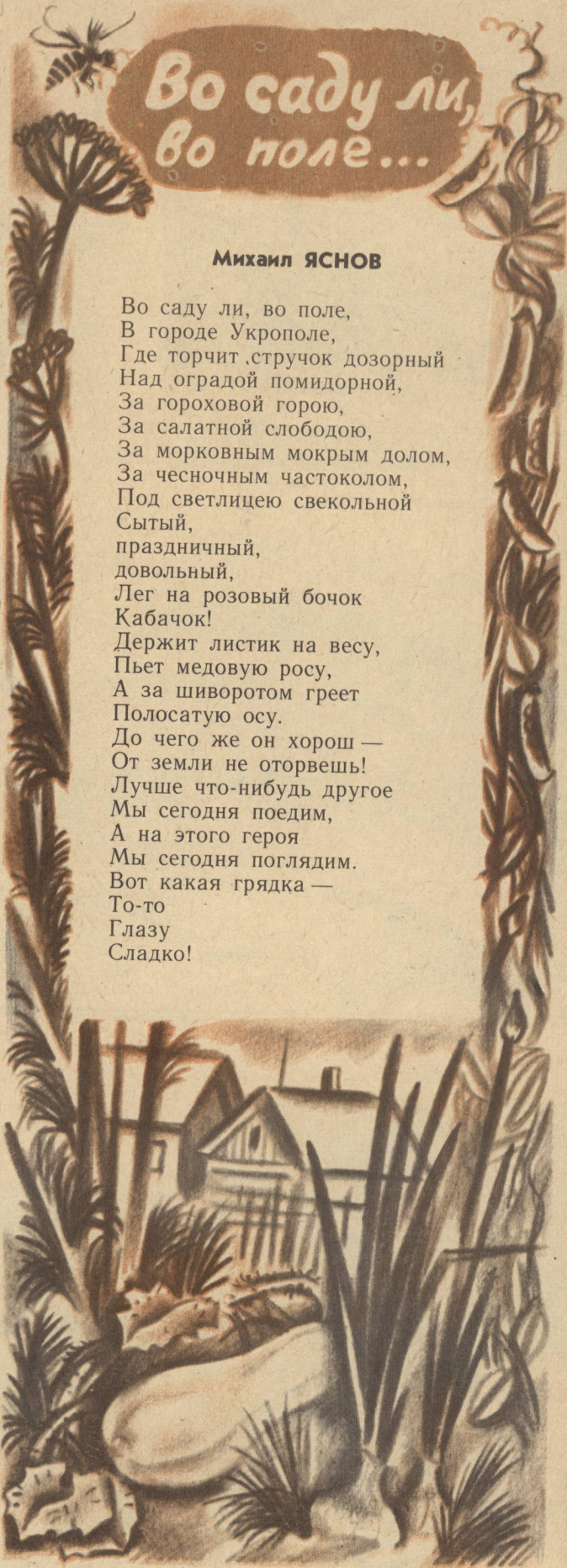
Василий БОЧАРНИКОВ

- Дед, пошли купаться.
— Куда?
— Купаться. На речку.
— На речку? А разве вы еще ничего не знаете?
— Нет, а что?
— Должны бы, должны бы уже знать: речка-то Покша... ушла от нас.
— Как ушла? Куда ушла? Почему ушла?
— Остановилась, повернулась и — потекла вспять. Мимо лугов, мимо полей, мимо лесов, мимо знакомых деревенок. В глухие крепи — в леса дремучие. В то самое вязкое, ржавое комариное и змеиное болото, откуда с таким трудом-стараньем вырвалась. И там, слышно, превратилась в махонький, с Васин кулачишко, родничок... Так что нет у нас больше Покши. Здорово обидели — и она обиделась.
— Кто обидел, дед?
— Хм. Еще спрашивает?! Ты да Вася!
— Как же это? Когда же?
— Консервные банки кидали? Кидали. Золу и угли сгребли и — тоже в воду. Не отпирайтесь. Было, было такое. А еще, хуже того, напросились к дачнику в «запорожец», и без спроса ездили мыть машину на переезд. Старались, выслуживались, мыли «запорожец» в Покше. А с него грязь, бензин, масло куда, спрошу я вас, стекали? В речку, в ключевую речку. Где бы вам отговорить дядьку, нельзя, мол, этого делать, а вы старались, чтобы, значит, прокатили. А глядя на вас, на другом, левом берегу, автотуристы помыли «жигули», «москвичи» и «запорожцы». Ключевую-то речку сразу и загадили. Вот она и ушла от нас.
Притихли бойкие братцы, моргают, чуть не плачут. Да старшой смекнул:
— Бежим, Вася, на бугор, поглядим, проверим.
Вернулись запыхавшиеся, радостные.
— Есть Покша! Течет!
— Вот радость! — ахнул я. — А ночью и на зорьке выходил — не было. Это она, милые, вернулась. Отошла сердцем-то. Потому что добрая. Но... запомните и другим накажите: не обижать Покшу... Айда купаться.

Во саду ли,
во поле...

Михаил ЯСНОВ

Во саду ли, во поле,
В городе Укрополе,
Где торчит стручок дозорный
Над оградой помидорной,
За гороховой горою,
За салатной слободой,
За морковным мокрым долом,
За чесночным частоколом,
Под светлицею свекольной
Сытый,
праздничный,
довольный,
Лег на розовый бочок
Кабачок!
Держит листик на весу,
Пьет медовую росу,
А за шиворотом греет
Полосатую осу.
До чего же он хорош —
От земли не оторвеш!
Лучше что-нибудь другое
Мы сегодня поедим,
А на этого героя
Мы сегодня поглядим.
Вот какая грядка —
То-то
Глазу
Сладко!

6-й ТУР ЧЕМПИОНАТА

Доблестные разведчики! К выполнению новых боевых заданий — готовы? Приступайте!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Kpg5, Лf2, Лf3, пп. g3, g4; черные: Kph3, пп. c4, g6.

Б. Белые: Кре4, пп. d5, e2; черные: Kph2, пп. b6, d6, h6.

Цель разведки: установить, могут ли белые в А объявить мат в 3 хода, в Б — одержать победу.

Разъяснение обстановки: Б — этюд. Как решают их, читай ниже.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: c3, c5, d4, e3, e5, f2, f4, g1; черные: a3, a5, b8, c7, f6, g7, h4, h8.

Б. Белые: b2, c1, e5, f2, f4, g1, g3, h6; черные: a5, a7, b6, f6, f8, g7, h2, h4.

Цель разведки: определить, прав ли автор концовок Б. Павлов (п. Волово), написавший: «Белые в них начинают и выигрывают».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

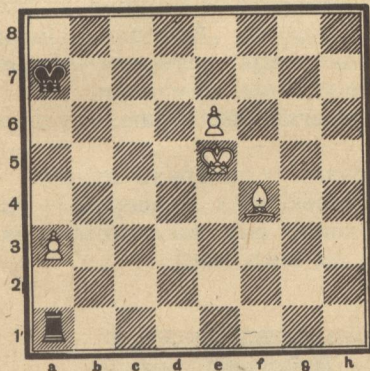
А. Белые: 23, 26, 31, 32, 39, 42, 43; черные: 9, 10, 12, 17, 20, 25, 28.

Б. Белые: 11, 20, 21, 30, 32, 34, 37, 43; черные: 3, 4, 8, 12, 13, 19, 27.

Цель разведки: найти пути к победе белых.

СТОЛ НАХОДОК

Сюда доставлена диаграмма. Вот такая —

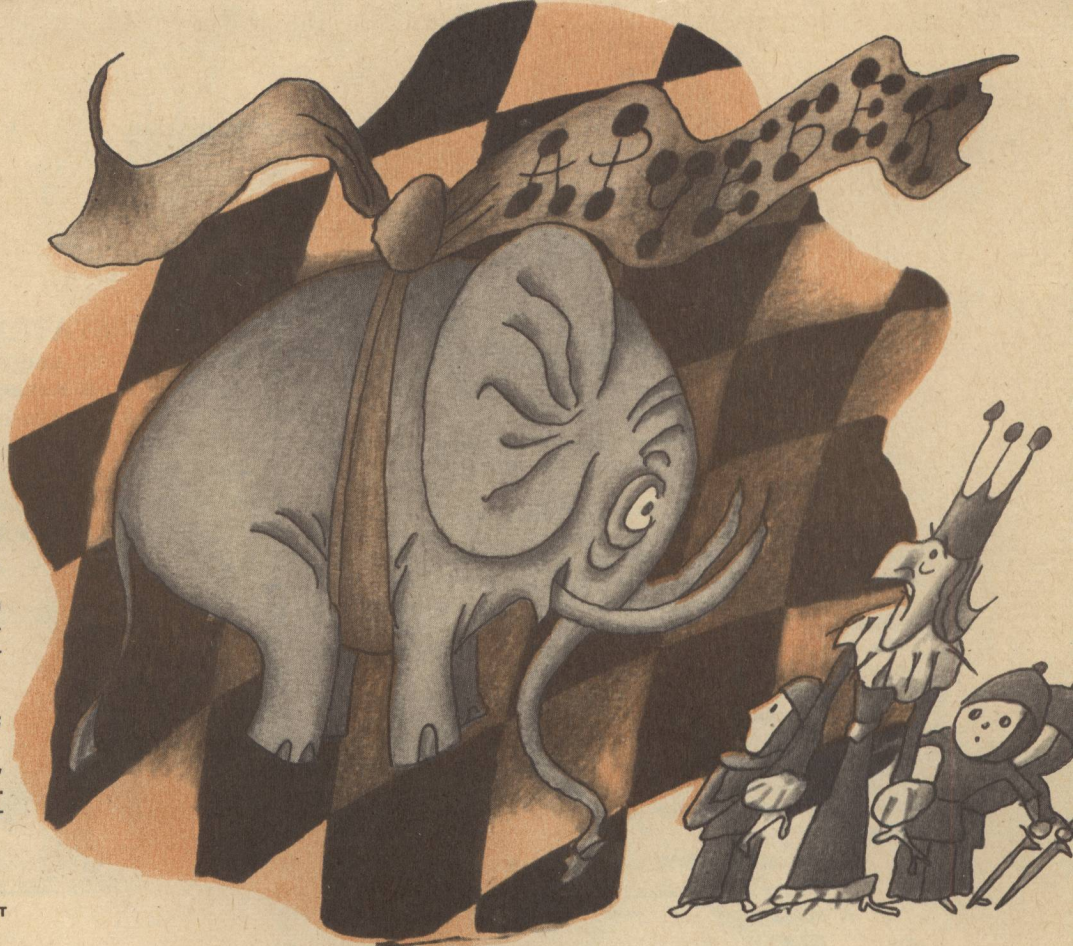
— «Этюд Маттисона. Белые выигрывают», — прочитал под диаграммой Коля Крылов. — Товарищ шахмат-адмирал! Разрешите обратиться? — Разрешаю, — сказал главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ.

— Чем отличается этюд от задачи?

— В этюде, как и в задаче, белые яростно сражаются с черными. Но в задаче требуется дать мат в указанное число ходов, в этюде же число ходов не оговаривают. Да и доводить решение до мата в этюде не обязательно: достаточно показать, как добиться явного перевеса в силах (а в этюдах на ничью уравнивать силы или получить явно ничейную позицию).

— А как решается, например, этот этюд?

— Смотри. «Белые выигрывают». Значит, ищем скрытый маневр, ведущий к победе... Надежда белых — пешка e6. Если они ее потеряют, выигрыша не видать. Поэтому плохо 1.e7

Лe1+2.Kpf6 Л:e7, и — ничья: крайняя пешка в ферзи не пройдет, так как черного короля из угла не выгоним. Попробуем 1.Се3+ (в этюдах, в отличие от задач, шах на первом ходу не возбраняется) Kpb7 2.e7. Черные, конечно, ответят 2... Л:a3. Теперь не годится ни 3.e8Ф из-за Л:e3+, ни 3.Cd4 или 3.Kpf4 из-за Лa8. Но выигрывающий ход тут есть: 3.Са7! Слон жертвуется! И если черные примут этот «данайский дар», то при Кр:a7 закроют ладье доступ к a8, а при Л:a7 освободят белых от опасного шаха по вертикали e. Однако ларчик до конца еще не открыт: черные отказываются от «подарка» и играют 3... Ла1, нацеливаясь на e1. **Что делать белым! Как окончательно сломить сопротивление противника!**

На этот вопрос предлагается ответить и в отдельном письме послать свое донесение в штаб АРЧЕБЕКА всем доблестным разведчикам.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Kpc2, Фа5, Лс5, Сс7; черные: Кра8, Лс8, пп. a7, b7. Ты играешь белыми. Поддай им такую команду, чтобы черному королю был обеспечен мат в 2 хода. **Выполни!**

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

В конкурсе «Новогодний приз» («Костер» № 12, 1980 г.) награждаются разведчики: Олег Архипов (Бугульма), Ира Драчук (Свердловск), Ваня Ярудов (д. Антоновка).

Отличные донесения также прислали разведчики: Володя Васильев (Ка-

наш), Курбан Абакаров (с. Пиляки), Андрей Егоров (с. Крестьяновка), Олег Останин (Северодвинск), Таня Пайщикова (Новгород), Слава Козлов (п. Угра), Лена Саранчина (Лиепая), Игорь Богомольный (Черновцы), Андрей Третьяков (Бузулук), Витя Ерастов (Сарапул), Ира Кравчук (д. Речица), Сережа Капранов (Пенза), Таня Петрова (Орск), Вася Лосенко (Пинск) и многие другие.

Вот их ответы: первый шахматист указал на f5 (там уже мат), второй — на a1 (и 1.Фа3Х), третий — на h8 (там — пат).

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Кс7! Крс5 2.Cd2. Или 1... Кре5 2.Фd5+. **Б.** 1.Фh8! Са7+ 2.Сb6+. Или 1... Се5 2.Фh1+. Или 1... Кра7 2.Фb2!

РШ. А. 1.b6! 2.b4 3.g5 f6 4.f4x. **Б.** 1.b6! 2.f2!X.

МШ. А. 1.43! 2.22! 3.30! 4.18X. **Б.** 1.44! 2.41! 3.40X.

Резерву. 1.c5+! и черные теряют ферзя. Ничья!

Встретились два архебековца. В позиции ход белых. А чем сделали последний ход черные? Пешкой? Нет: их пешки еще не покидали 7-й линии. Значит, либо королем, либо ладьей. И 1.Фа1! ведет к мату в два хода, т. к. рокировать черным нельзя.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем архебековцам отправить рапорты до 15 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьберн

Я очень люблю вареную молодую картошку с маслом или сметаной, посыпанную зеленью укропа. Вкусно, а готовится быстро и просто.

Молодой картофель легко чистится, если опустить его на 15—20 минут в холодную подсоленную воду. Можно почистить его и без ножа: посыпать солью, тщательно протереть тряпочкой и помыть холодной водой.

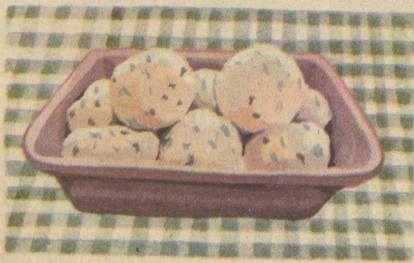
Старый, сильно проросший картофель не употребляй в пищу. Зелень под кожурой обязательно срезаешь.

На картофеле не будет черных пятен, если в кипящую воду влить несколько капель уксуса.

Очищенный картофель до варки держи в холодной воде, чтобы не потемнел.

Не вари картофель и другие овощи в большом количестве воды — теряется много питательных веществ.

Огонь должен быть умеренным, при сильном огне картофель снаружи разваривается, а внутри останется сырым.

Все овощи при варке опускают в горячую подсоленную воду и сразу подают на стол — через полтора-два часа вкус их становится хуже, разрушается витамин С. Молодой картофель в среднем варят 15—20 минут, зрелый — 25—30, неочищенный — немного дольше.

Отвар картофеля или других овощей хорошая хозяйка не выливает, на нем можно сварить суп или сделать соус.

Жарят картофель на сильно разогретой сковороде, а солят, когда ломтики подрумянятся. Если посолить в начале жарки, ломтики потеряют форму, цвет, вкус.

Картофельное пюре богаче калориями, чем кушанье из нарезанного картофеля.

Не разбавляй пюре холодным молоком, оно приобретает серый цвет.

Я выбрала из писем те вопросы, которые касаются кулинарии. Отвечаю Нине Рожновой (Москва), Рите Кузнецовой (дер. Федорково Калининской обл.), Эльвире Топпину (Петрозаводск).

— Яйцо всмятку вари в кипящей воде 2—3 мин, в «мешочек» — 4 мин, крутую — 8—10 мин. Вареное яйцо легко отличить от сырого — вареное быстро и долго вращается, сырое останавливается после 2—3 медленных оборотов.

— Петрушка, сельдерей, укроп даже в большую жару сохраняются свежими, если держать их в сухой плотно закрытой кастрюле, зелень тоже должна быть сухой. Можно освежить увядшую зелень, положив на час в холодную воду, куда добавлена ложка уксуса.

— Шкурку помидора легко снять, если опустить его в кипящую воду и сразу в холодную.

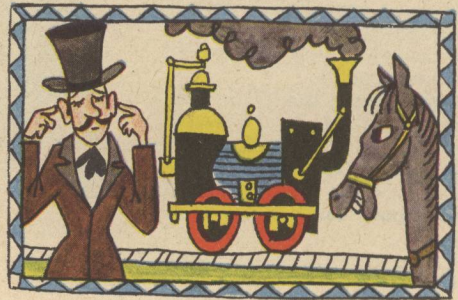

Рисунки
Ю. Беломлинской

ИЗОБРЕТАТЕЛЮ паровоза Стефенсону пришлось долго защищать свое детище от нападков противников механической повозки.

— Она же грохочет! — говорили критики.

— Вот и прекрасно. Чем громче шумит паровоз, тем он мощнее, а значит, быстрее везет пассажиров! — отвечал Стефенсон. — Что толку от ваших бесшумных лошадей!

КОНСЕРВЫ были изобретены по приказу Наполеона в 1809 году поваром Аппером. После смерти великого полководца историки обсуждали его последние неудачные кампании.

— Он не так располагал кавалерию, — утверждали одни.

— Недооценивал связь! — говорили вторые.

— Император не засекретил консервы, — настаивали третьи, — стоило ему засекретить их, и Наполеон завоевал бы весь мир!

АНГЛИЙСКИЙ химик Джозеф Пристли открыл фотосинтез, первым получил чистый кислород и сделал много других открытий. Но сам он считал венцом своего труда следующее изобретение.

— Я сидел за столом и от нечего делать тер куском каучука тетрадный лист с карандашными записями, как вдруг увидел, что записи исчезли! — вспоминал химик. — А теперь — подумай только! — ластик есть в каждом доме.

— Все в мире движется по своим законам, — задумчиво произнес спутник Разгадайки, когда они блуждали по лесу. — Вот и мы с тобой уже в третий раз подходим к этой сосне метрового обхвата.

— Это потому, что мы заблудились, — сказал Разгадайка. — Один из законов природы — спираль. Раковины улиток свернуты в коническую спираль. Выюнок закручивается по правой спирали, жимолость — по левой. А рога памирского барана вьются в противоположные стороны.

Под сосной сидела белка и грызла шишку. Увидев путешественников, она быстро взбежала вверх по дереву, сделав три равномерных витка, и очутилась на самой верхушке.

— Даже белка взбирается вверх по спирали! — воскликнул Разгадайка. — Высота дерева тридцать метров. Зная это, мы можем вычислить, какой путь проделала белка от основания до верхушки сосны.

— Он равен высоте дерева, — ответил спутник.

— Нет, — возразил эксперт по курьезным вопросам. — Если предположить, что толщина сосны неизменна, и значит, мы имеем дело с цилиндром, то белка пробежала...

И он назвал точную цифру. Какую?

Оформление А. Януса

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 5

Доказательство Зенона: Ахиллес не догонит черепаху только на определенном расстоянии, равном 111, 11... метра.

Из записной книжки Разгадайки: ошибка в вычислениях сделана при извлечении квадратного корня. Равенство было бы справедливым, если бы в его обеих частях были положительные числа.

Древнеиндийская задача: в рое 15 пчел.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, Л. А. БОГАЧУК [зам. главного редактора], Л. С. КОКОРИНА [отв. секретарь], В. И. МАТВИЕНКО, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

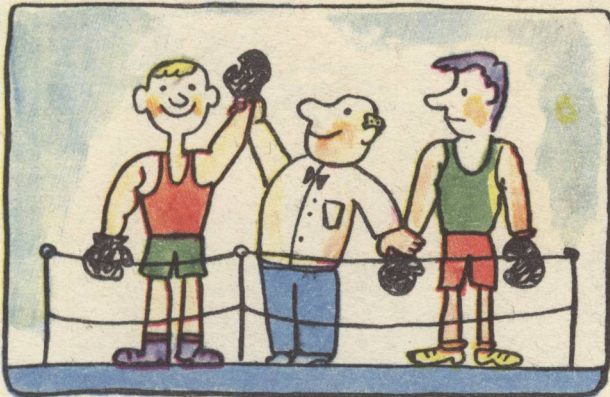
Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон 274-15-72

М-15105. Сдано в набор 05.03.81. Подписано к печати 08.05.81. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 780 000 экз. Заказ 2255. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

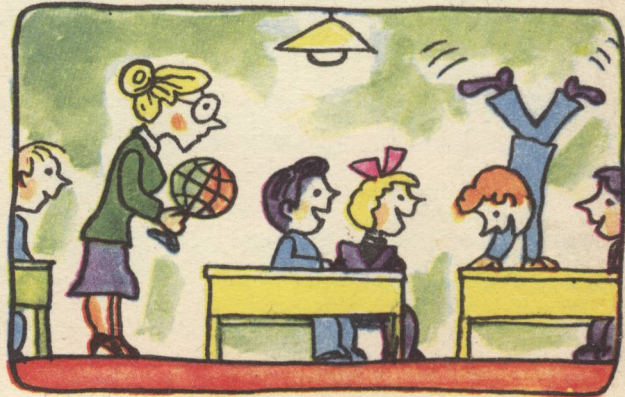
Стоит на ринге чемпион.
Он победил, доволен он!

А я Петрова победил,
Потом к директору ходил...

Вот на арене клоун Гоша.
Ему все хлопают в ладоши.

А я смешить бы дольше мог,
Да говорят — сорвал урок!

Вот штукатур шагает в каске
Спецовка — в извести и краске.

А мне испачкать свой пиджак
Не разрешается никак!

— Вы не смейтесь,
Объясните лучше —
Почему такой я
Невезучий?

